

ЕКАТЕРИНА
БАРСОВА

ВЕЛИКИЕ
ТАЙНЫ
ПРОШЛОГО

• ГРААЛЬ •
КЛАНА КЕННЕДИ

Annotation

Смерть Джона Кеннеди, тридцать пятого президента США, стала переломной точкой в мировой истории. Его убийство не раскрыто по сей день, хотя официально в нем был обвинен Освальд Ли Харви. Однако позже было установлено, что стреляли двое, и личность второго снайпера неизвестна до сих пор...

Маруся Громова после расставания с любимым человеком думала, что ее жизнь кончена. Но работа в предвыборном штабе мэра города отвлекала ее от переживаний, как и найденный в бабушкином тайнике дневник убийцы Кеннеди. Откуда у скромной переводчицы такой важный документ? Маруся решила узнать подробности у старинной бабушкиной подруги, но не успела – та подозрительно скоропостижно скончалась. А узнать, что на самом деле случилось в Далласе осенью 1963 года, Марусе просто необходимо, ведь молодой политик, в штабе которого она работает, очень похож на Джона Кеннеди и, кажется, может повторить его судьбу...

Екатерина Барсова

Грааль клана Кеннеди

© Барсова Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

В этой книге есть догадки, которые, возможно, приближают к истине.

Но следует помнить, что любое художественное произведение является вымыслом.

Часть первая
Петля прошлого

*Я не откажусь снова прожить свою жизнь от начала до конца.
Я только попрошу права, которым пользуются авторы, исправить во
втором издании ошибки первого.*

Б. Франклин

США. Даллас.

22 ноября 1963 года

День обещал быть жарким. Даллас. Штат Техас. 22 ноября 1963 года. Этот день войдет в историю, о нем напишут в учебниках. Все до мельчайших подробностей: какая была погода, что передавали с утра по радио и какие настроения царили в Далласе. И конечно, каждое движение ДФК, как называли американского президента, тоже будет тщательно запротоколировано для потомков. Джон Фицджеральд Кеннеди уже вошел в историю. Как президент, провозгласивший новый курс и перемены. Многие были влюблены в президента и обожали его. Многие, но не все...

Сегодня Кеннеди вместе со своей Жаклин приедет в Даллас. Визит в Техас – это один из пунктов по подготовке к президентским выборам 1964 года. Джон Кеннеди пойдет на второй срок. Президент – победитель, президент – ярчайшая звезда своего времени. Не случайно в его любовницах числилась самая легендарная актриса Голливуда – Мэрилин Монро. Мужчина усмехнулся, но тут же посерьезнел.

День сегодня был судьбоносный. Президент уже прибыл в Даллас. В 11.40 самолет с высоким гостем на борту приземлился в далласском аэропорту Лав Филдс. В 11.50 президентский лимузин, где находились супруги Кеннеди и губернатор Техаса с женой, а также двое агентов секретной службы, направился с аэродрома в город...

Маршрут следования кортежа был опубликован в газетах 9 ноября. И каждый желающий мог подробно с ним ознакомиться.

Мужчина посмотрел на часы. Пора! Примерно в 12.30 президентский лимузин проедет мимо школьного книгохранилища, расположенного на углу двух улиц, Хьюстон-стрит и Элм-стрит. И ему непременно нужно быть к этому времени в книгохранилище. Он успевает. У него все расписано не по минутам, а по секундам. Все отработано и выверено. Без ошибок.

Мужчина вышел из дома и закрыл за собой дверь. Сюда он уже не вернется.

Он знал одно. Вскоре в назначенное время раздадутся выстрелы, которые изменят ход мировой истории.

Глава первая

Обратный отсчет

Когда вам становится очень туго, и все оборачивается против вас, и кажется, нет сил терпеть ни одной минуты больше, ни за что не отступайте, именно в такие моменты наступает перелом в борьбе.

Элизабет Бичер-Стоу

Наши дни. Москва

Итак, жизнь не удалась, закончилась, пошла коту под хвост, сделала пике....

Маруся сидела в темноте со стаканом виски и слышала, как ее зубы выбивают мелкую дробь. Она сделала большой глоток спиртного и почувствовала, как зашумело в голове. И пусть! Все, что ей сейчас надо, – это напиться до беспамятства, чтобы голова и все чувства полностью отключились и вместо этого образовалась одна большая пустота. Маруся икнула и посмотрела в стакан. Почти пуст. Вот уже третий вечер она проводит время так и ничуточки не жалеет. Разве ей не все равно?

Все равно. Раз Он... никогда не будет с ней. Он объявил окончательно и бесповоротно. Он решил вернуться в семью, хотя по, большому счету, Марусе ничего никогда и не обещал. Но надежда была всегда. В течение двух с половиной лет надежда то расширялась до размеров Вселенной, которая вбирала в себя их будущие совместные вечера, поездки на море, теплый песочек, кожу, которая мгновенно обгорала и остро пощипывала, и мягкую растопыренную ладонку ребенка... Здесь Маруся обычно зажмуривалась, и ей становилось трудно дышать. Это была почти запрещенная тема. Дочка или сын... Все равно. Но вот ощущение ладонки с крохотными пальчиками было таким живым, таким явным...

Она заплакала, и слезы капали в стакан с виски... И пусть! Окно распахнулось от сильного ветра, занавески надулись пузырем и опали. От ветра легкий пластмассовый стакан с карандашами упал со стола, и карандаши со стуком рассыпались по полу. Вдали протяжно гроыхнуло. Гроза! Надо бы закрыть окно. Так всегда Марусю учила бабушка Елизавета Федоровна. Вечная ей память. В грозу нужно окна держать плотно закрытыми, иначе может влететь шаровая молния.

Молния... Ну влетит и влетит, одной жизнью станет меньше, равнодушно подумала Маруся о себе, как о постороннем человеке. Эка невидаль! Зачем вообще жить, если Костя никогда, никогда не будет с ней!

Она заревела с новой силой. Стакан в руке дрожал, Маруся поставила его на стол.

Захотелось налить еще.

Бутылка виски стояла на кухне. Нужно пойти и взять ее. Маруся встала с кресла и неровной походкой направилась на кухню. Небо набухало чернотой, но на горизонте маячили, поблескивали тонкие светло-серые полосы. Маруся, держась руками за стенки, дошла до кухни, не зажигая свет, открыла шкафчик и достала бутылку.

Обратный путь она проделала также впотьмах и, плюхнувшись в кресло, налила себе

новую порцию виски.

Громыхнуло уже совсем рядом. Она вжала по давней привычке голову в плечи и замерла. С детства она боялась гроз и, когда они жили на даче, сразу перебиралась в постель к бабушке, шлепая босыми ногами по дощатому полу. Маруся нырнула к ней под одеяло и прижималась, дрожа. Бабушка успокаивала ее, гладила по голове и приговаривала:

– Сейчас она пройдет, потерпи немного...

Бабушки вот уже как пять лет не было.

Резкий дребезжащий звук раздался за окном, а потом – сухой, оглушительно-громкий. И вдруг с оттяжкой ударило так, что окна задребезжали.

– Надо закрыть окно, – пробормотала Маруся.

Она поднялась с кресла, подошла к окну и замерла, завороченная открывшимся зрелищем. Небо было густо-черным, с глубокими синими прожилками. Плотная, непроницаемая чернота, в которой можно увязнуть и утонуть. Протяни руку – и исчезнешь в ней, как в тумане.

Гроза ударила еще раз, второй, третий... Сверкнула молния, разрезая небо ослепительно-белым зигзагом. И как по команде полился сплошной стеной дождь.

Молния ударила снова. И при ее свете Маруся увидела на крыше пятиэтажного дома напротив, около трубы, кота, сидевшего и смотревшего прямо на нее.

«Господи, он же вымокнет», – мелькнуло в голове у Маруси.

Теперь уже громыхнуло совсем рядом: пронзительно, душераздирающе громко, Маруся закричала и, схватившись за край подоконника, опустилась на пол. Молнии вспарывали небо с сухим треском, извиваясь, будто танцую древний языческий танец, Маруся, преодолевая страх, подняла голову. Теперь ее подбородок был вровень с подоконником. Она посмотрела на крышу дома напротив. Кот исчез.

Маруся закрыла окно, добрела до постели. И провалилась в беспокойный сон.

Утро было не лучше. На работе она написала заявление об увольнении. Начальник, Владлен Сергеевич, смотрел на Марусю недоумевающим взглядом – сотрудник крепкого рекламного агентства вдруг ни с того ни с сего увольняется с работы, да еще в период кризиса. Он посмотрел на нее из-под очков и сказал уверенно:

– Вернешься!

– Не вернусь, – тихо ответила Маруся, сдерживая непрошенные слезы.

– Это еще почему?

– Потому... – выпалила она.

– Крыша поехала?

– Ну... поехала, – призналась она, стискивая руки. – Поехала! – и рассмеялась злым смехом. И как только Маруся сказала это, ей стало легче. «Крыша поехала» – это объяснение всему. Говорят же, что в наше время сойти с ума – проще простого, даже особо напрягаться не стоит: любой пустяк может стать той каплей, переполнившей разум, за которой уже – все.... Психическое отклонение и другое измерение реальности.

– Не дури! – прикрикнул Владлен Сергеевич. – И чего вы только все беситесь? – вздохнул он, как бы разговаривая сам с собой. – Поколение... чокнутых. – Очевидно, он имел в виду свою дочь Милену, великовозрастную девицу семнадцати лет – всю в пирсинге, с коротким ежиком волос, выкрашенных в ядовито-фиолетовый цвет. – Поезжай, отдохни куда-нибудь месячишко-другой, а потом милости просим обратно....

– Нет, – крикнула Маруся, – не надо! Меня не будет...

– Громова! – резко сказал он. – Сейчас у нас один новый проект наклеивается. Только вчера подписали все бумаги. Я думал тебя привлечь. А ты...

В голосе явно звучало: «Предательница, покидаешь нас в ответственную минуту!»

– Владлен Сергеевич! – она прижала руки к груди и умоляюще посмотрела на начальника.

– Ну что Владлен Сергеевич, Громова, что? Говори же, не стесняйся.

Маруся посмотрела на него так, словно видела впервые: своим обликом он напоминал Эркюля Пуаро – маленький, лысенький, с усами и пронзительным взглядом живых карих глаз. Все, кто попадал к нему в орбиту, сразу становились объектом его заботы и внимания. Он принадлежал к тому типу руководителя, который заботится обо всем: о настроении сотрудников, их питании, здоровье и даже личной жизни. Он считал, что сотрудник – это боевая единица, поступившая к нему в полное распоряжение. Он любил ответственность, инициативность (в меру), моментальную исполнительность и то, что он называл, «буйная креативность». Вот за «буйную креативность» или «фонтанирующие идеи» Владлен Сергеевич мог простить многое.

Сотрудников, выдававших «буйную креативность», было всего трое, точнее – двое, потому что третий, Саша Нечипоренко, тихо спивался после того, как от него ушла вторая жена. Первым был Марк Варкушин. Вторым – она, Маруся Громова.

«Головка у тебя светлая, – говорил шеф и пару раз даже погладил Марусю по голове, демонстрируя прямо-таки отеческую любовь и заботу, – только ветреная еще девочка, когда угомонишься – цены тебе не будет».

Сейчас Маруся вспомнила все это, и к горлу подступил комок.

– Я... вам за все благодарна, – выдавила она.

И правда, Владлен Сергеевич возился с ней так, как, наверное, ни с одним сотрудником. Подсовывал разные книжки, заставлял изучать психологию. Причем разные направления: психологию менеджмента, отношений, коммуникаций... Он всегда говорил, что Маруся далеко пойдет.

Их фирма имела солидный вес – особо она нигде не светила, но ее репутация в нужных кругах была высочайшей. Они были спецами в рекламе и пиаре. А их рекомендации во многом носили уникальный характер. Они могли почти все: от выработки стратегии предвыборной кампании до предложений по продвижению нового товара.

– Это все? – Шеф смотрел на Марусю, сдвинув брови.

Она кивнула. К глазам подступали слезы. И она с трудом держалась, чтобы не разрыдаться. Но если не порвать все нити, связывающие ее с прошлым, то неизвестно, что с ней будет. Только так она сможет спастись после кораблекрушения и выжить.

Шеф резко поставил свою подпись под заявлением и протянул ей.

– Бери. – В голосе была непривычная сухость.

– Спас... сибо... – пробормотала Маруся.

Выйдя с подписанным заявлением, она поняла, что все – свободна. Свободна! От всего!

Маруся заглянула на кухню. Там сидел Марк – весельчак, балагур. Сейчас он был непривычно притихшим. Владлен Сергеевич оборудовал для сотрудников уютную кухоньку со всеми современными чудесами бытовой техники. И даже с суперсовременной машиной для варки кофе. Кухня была отделана в светлых фисташковых тонах. И какое бы у Маруси ни было плохое настроение – здесь она успокаивалась, а после двух чашек капучино с

нежнейшей пенкой понемногу приходила в себя.

– Слухами земля полнится. Громова, ты от нас уходишь?

– Ухожу.

– И так внезапно. В чем дело?

– Ни в чем. Личные обстоятельства.

Брови Марка взлетели вверх. Он всегда выглядел как модель с рекламной обложки товаров для молодых и успешных мужчин. Он менял женщин не задумываясь, а они сошли по нему и звонили даже в офис, пока Владлен Сергеевич не объяснил Марку, чтобы тот со своим гаремом разбирался самостоятельно и на стороне. А не на работе. Звонки прекратились.

Марку было тридцать четыре года – высокий, темноволосый, в модных стильных очках, которые, как все подозревали, он носил больше для стиля, чем по причине плохого зрения, волевой подбородок, ослепительно-белые рубашки, модные костюмы, дорогая кожаная обувь... Все в офисе заключали пари, когда же он наконец женится. Но Марк стойко держал оборону.

– Это очень туманно и непонятно. Что-то случилось? – спросил он, понизив голос. – Может быть, я могу чем-то помочь?

Маруся внимательно посмотрела на него. Обычно Марк всегда шутил и подкалывал, но таким серьезным она видела его редко.

– Ну, Марк!.. – Маруся рассмеялась, она смеялась даже тогда, когда Марк насильно усадил ее на стул и налил в стакан воду из кулера. Она смеялась, а потом рыдала и отталкивала от себя стакан с водой. Рыданья кончились внезапно, так же, как и начались.

– Прости, – шмыгнула носом Маруся.

– Вот, возьми, – Марк достал из кармана носовой платок. Платок был таким же белоснежным, как и его сорочки.

Маруся вытерла слезы.

– Совсем расквасилась. Если честно – сама себя презираю.

– За что?

– За все.

– Это из-за мужика?

– Марк, что ты в этом понимаешь?

– Ничего. Вот и пытаюсь понять. Как можно так переживать из-за нашего брата. Мы же все козлы и дебилы, помнишь, как ты однажды сказала?

– Помню, – тихо ответила Маруся. Это было, когда она только-только пришла работать в контору, и Марк по своей всегдашней привычке стал ее обхаживать. Вот тогда-то она и сказала эту фразу:

– Это было давно...

– И с тех пор ты кардинально изменила свое мнение?

Она молчала.

– Все понятно, ты думаешь, мы все тут слепые и глухие... Это тот самый смазливый брюнет, с которым ты однажды пришла на корпоративную вечеринку? Ты на него смотрела такими глазами...

– Какая разница, Марк. Все кончено...

И она всхлипнула.

– Кофейку? – предложил Марк.

После двух чашек кофе Маруся подняла на него глаза.

– Прости, мне так стыдно...

– Все нормально. – Он накрыл ее руку своей. – Может, останешься, а Руська? Мы будем скучать по тебе. Ну как это я приду на работу, а ты меня не подколешь, не опустишь язвительную шуточку. Ты же меня... терпеть не можешь.

– Ну да, – криво улыбнулась она. – А ты этого не забыл.

Было дело, когда она однажды так и брякнула в сердцах: «А Варкушина я терпеть не могу. В печенках он у меня уже сидит».

– Как видишь... – Он снял очки и помахал ими в воздухе.

– Марк! А у тебя плохое зрение, или это ты так? Для понта?

– А... поинтересовалась? Могу доложить: зрение и правда стало портиться. Особенно в последнее время. Ты нашла себе новое место работы?

– Нет, – она мотнула головой. – Я уезжаю.

– Куда?

Маруся поднялась со стула, обернулась в дверях и сказала:

– А куда глаза глядят!

Марусе хотелось уехать куда-нибудь далеко-далеко, так далеко, чтобы не было никаких знакомых – никого и ничего не видеть... Был май, поздняя весна, и все как-то сильно действовало на нервы, не помогали ни чай с ромашкой, ни чашка кипяченого молока – проверенные рецепты ее закадычной подружки в девичестве Нины Семеновы, а ныне Нины Веревкиной – многодетной матери с четверьмя детьми. Все у Нинки было очень складным и входило как одна частица пазла в другую: и муж Петя – работяга, души в ней не чаявший, и дети, которые шли один за другим – Василиса, Алена, Терентий и Григорий... Жили они в тесной квартирке – стояли в очереди на получение жилья. Но и в этой двухкомнатной хрущевке царило веселье, витал запах свежего теста, детский гомон и взрывы смеха.

Сейчас Маруся нечасто виделась с Ниной: на последнем курсе института подруга вышла замуж и с головой ушла в семью. Василисе было шесть лет, Алене – пять, Терентию – четыре, а Григорию – три.

Нина понимала Марусю как никто, но легче от этого не становилось. А все дело в нем – Константине, обаятельном, веселом, красивом парне. У которого была жена и трехлетняя дочка Настя. Он уже два с половиной года исправно морочил Марусе голову, что вот-вот разведется и женится на ней. И она, как дура, верила ему, пока однажды не столкнулась с Костей в парке. Она зашла туда случайно и вдруг увидела их – счастливую семью. Настя сидела на руках папы и сосала леденец. Его жена – блондинка с четким каре в узких брюках и курточке под «леопарда» – шла рядом и о чем-то ему рассказывала. А он... герой Марусиного романа – выглядел каким-то притихшим и серьезным. И не было его звонкого смеха, его волос, откинутых назад, и взгляда, подернутого поволокой. Он и вправду сейчас был другим – *семейным*...

Маруся стояла и смотрела на них как замороженная, а вокруг нее текла равнодушная толпа, и кто-то толкал ее, наступал на ноги, задевал руками. А она стояла, превратившись в столп.

Он тоже споткнулся об нее взглядом и чуть было не остановился. Но быстро взял себя в руки и резко развернулся в другую сторону. Корабль сменил курс, как сказал бы ее дед, когда-то ходивший в плавание...

– Корабль сменил курс... – шептала она всю ночь, ворочаясь с боку на бок. Все это не доходило до ее сознания, но было чувство вселенской катастрофы и чего-то ужасного, что нельзя исправить или зачеркнуть и жить дальше как ни в чем не бывало.

На другой день Костя позвонил ей и сказал, что нужно объясниться.

– Зачем? – пискнула она.

– Надо.

Не следовало ей ходить на то свидание; шептал же об этом внутренний голос, да что там шептал, кричал! А она, идиотка, поперлась, надеясь непонятно на что – на то, что реки потекут вспять? А зимой расцветут цветы? На что она надеялась, а?.. Хотелось услышать слова: я люблю только тебя, я уйду из семьи и отныне и навсегда мы будем вместе? Наивная...

И – пошла, обмирая от страха и волнения. Но когда Костя объявил со своей обаятельнейшей улыбкой, что все останется по-старому, она не выдержала:

– По-старому – это как?

Да, Маруся была курицей. Временами овцой пушистой, как говорила ее бабушка. Но характер у нее имелся, и в самый неожиданный момент он вставал во весь рост.

– Все как обычно. – Они сидели на скамейке в парке и пили кофе в стаканчиках.

– Обычно – это что?

Костя пожал плечами и виновато улыбнулся.

– Обычно – это обычно.

– Значит, ты на мне не женишься? – допытывалась Маруся.

Она так и слышала негодующий возглас Нинки: «Громова, ты сошла с ума, разве так можно говорить мужику?» и робкий голос бабушки: «Ну что ж ты ведешь себя так, как девица расхристанная». Но ей было уже все равно.

– Маруся, ну сама посуди... Настюхе три годика, как я могу ее оставить?

– А раньше, значит, мог, когда мне лапшу на уши вешал?

– Я думал... – И здесь он не закончил фразу...

Маруся резко дернула рукой, и черный кофе вылился на белоснежную Костину рубашку. Он вырвался к ней на свидание в обеденный перерыв.

Она встала со скамейки и пошла быстрым шагом, с трудом удерживаясь от рыданий.

Слезы все-таки прорвались наружу, Маруся свернула в какую-то подворотню и рыдала там, забившись в закоулок. Рыдала всю дорогу, когда ехала обратно домой. Бежать, бежать куда глаза глядят. Нужно срочно куда-нибудь уехать.

Дома какое-то время она бесцельно ходила из угла в угол. Затем разделась и юркнула под одеяло. План на завтра был прост. Ей нужно было снять наличность и забронировать тур на две недели на Мальдивы или Сейшелы, и там расслабиться по полной, чтобы в голове осталась лишь пустота и только ненавязчиво, убаюкивая, шелестели волны. Расслабиться, лежать в джакузи или маленьком бассейне и смотреть на океан – без всяких мыслей, пока в глазах не станет темно от напряжения. Просто смотреть. А потом есть фрукты и купаться. А можно и не купаться, просто погрузиться в воду: половина тела на берегу, половина – в океане. И качаться от прилива-отлива, как водоросль.

Это то, что ей сейчас позарез необходимо, – тупой отдых. А что будет дальше, она даже и не хочет загадывать, потому что «завтра» и «дальше» совершенно не для нее. Это для других – для тех, кто может и хочет строить планы. А у нее нет никаких планов, нет завтрашнего дня. Ее будущее украли, укоротили, обкорнали.

Маруся вновь зарыдала. И уткнулась носом в подушку.

– Бабушка, – прошептала она. – Если бы ты только знала, как мне плохо. Твоей Марусе, Русеньке...

С матерью отношения были поверхностными и с годами все более и более сходили на нет, пока не свелись к телефонным звонкам, происходившим строго раз в месяц. Это не считая дня рождения и Нового года. Бабушка всегда была для Маруси самым близким и родным человеком. Мать, оставшись одна после смерти отца, активно устраивала свою жизнь; она хотела жить, а не «догнивать в этой стране». Она так и говорила, оттопырив нижнюю губу, и ее глаза при этом наливались слезами – от жалости к самой себе, от того, что она прозябает с Марусей на руках, а мужа хорошего как нет, так и нет. А на слова бабушки – «неси свою ношу достойно» – мать обычно отмахивалась или начинала плакать. Счастье для матери спустилось сверху, как воздушный шарик, в виде немца Ганса Швеценбомбера. При этом маман своему счастью не верила – она поминутно смеялась, подбегала к зеркалу и лихорадочно поправляла волосы. Когда она объявила, что выходит замуж и уезжает в Германию, Елизавета Федоровна поджала губы, а Маруся ударилась в слезы. Ей почему-то показалось, что мать уезжает куда-то в темный непролазный лес, такой, какой был на картинке к сказке братьев Grimm «Ганс и Гретель», – и уже не вернется.

– Мы скоро уезжаем! – Мать наклонилась к Марусе и потрепала ее по щеке. – Зайчишка!

«Зайчишка» разревелась. Она была уже большой девочкой – девять лет, но не могла себе представить, как она уедет непонятно куда, оторвется от своей любимой бабули. Кончилось тем, что мать уехала одна, потом у нее родился сын и ей стало совсем не до Маруси... А та осталась с бабушкой, не размышляя о том, что жизнь могла сложиться как-то по-другому...

Маруся незаметно уснула. Но сон был беспокойным. Во сне ей снилось, что кто-то бежит за ней, а она мчится изо всех сил, проваливается в какую-то яму, потом выбирается и снова бежит...

Голова утром была тяжелой. Проверив мобильный, Маруся увидела, что звонил Марк. К черту!

Утро она обычно начинала с чашки крепкого кофе. Чашка была большой – пол-литровой, с изображением Биг-Бена. Кофе Маруся пила маленькими глотками, забравшись с ногами на уютную банкетку, прикорнувшую в углу. Включала радио и под монотонные звуки – бу-бу-бу – постепенно просыпалась, оживала, чувствуя, как с каждым глотком в нее вливались силы, и она переполнялась бодростью и радостью, как воздушный шарик, который вот-вот взлетит. Она просыпалась и засыпала с именем Кости, ей почему-то представлялось, что он тоже вспоминает о ней и ворочается с боку на бок. О его жене Маруся старалась никогда не думать, как будто бы ее вовсе не было. Но оказалось, что она все-таки была, это Маруся выдумала себе несуществующую жизнь, расписала ее яркими красками, и – зря! Она, как шарик, сдулась и упала на землю. Все! Слезы капали в чашку с кофе, но начиналась новая жизнь, и надо было составить план действий и неукоснительно его придерживаться. Первым пунктом стояло – УЕХАТЬ.

Маруся заглянула в чашку. Кофе оставался на дне, но голова была тяжелой и сонной. Нужно снять все деньги с карточки и прикинуть: куда она может улететь и насколько. Она возьмет билет в один конец – так проще. И надежней. В смысле, что все контакты с прошлой жизнью окончательно оборвутся, и возвращаться никуда не придется. Да и не ждут ее нигде. И никому она не нужна.

Маруся тряхнула головой. Это, пожалуй, лучший выход.

Она заехала к Нине и рассказала все. Та расцеловала подругу и сказала, что когда одним подлеском в твоей жизни становится меньше – нужно радоваться...

– Ну да... – криво улыбнулась Маруся, накручивая волосы на палец.

– Именно так, – твердо проговорила Нина, прокручивая фарш для котлет. – Съезди куда-нибудь, отдохни....

– Хорошо, – согласилась она. – Я оставлю тебе ключи.

– О'кей. Я буду приходить к тебе и поливать цветок.

– Сделай милость. А то бонсай не доживет до моего столетия.

– Доживет. И бонсай, и ты. Сейчас ученые бьются над продлением жизни. Так что все шансы отпраздновать столетник у нас есть и закатить по этому поводу грандиозную вечеринку с танцами и выпивкой.

– Отлично. Так и запишем в памятном календаре для событий...

– Ты шутишь...

– И что?

– Мне это нравится, – заключила Нина, отправляя ложку фарша в рот.

– Нинка! – с отчаянием закричала Маруся. – У тебя будут, как это... глисты...

– Ни-ког-да. И вообще раньше люди ели сырое мясо, и ничего. А теперь разнежались и обабились. От этого и все проблемы.

И все-таки Маруся решила обмануть подругу. Она скажет ей, что купила путевку в Таиланд, а сама сбежит в другое место. Не хотелось никому давать свои координаты. Сбежать куда глаза глядят. Навсегда. Потом она напишет Нинке письмо. И все объяснит. Но это будет позже.

Наверное, есть люди, которые обладают врожденной интуицией и вообще чувствуют грядущие неприятности и катастрофы. Маруся к числу таких людей явно не относилась. Ну почему она не заметила ноги, торчащие из-под рекламной стойки в углу?! Вернее, заметила краем глаза, но не зафиксировала в мозгу. Торчащие ноги бросились бы в глаза более внимательному человеку, но не ей. Впрочем, она была в таком состоянии все эти дни... Это точно... Эх, курица, как иногда говорила ее закадычная подружка Нинка. Курица и есть! Маруся снимала деньги с банковской карты в универмаге. Никого не было. Ну да, ноги не в счет, тем более что она не обратила на них внимания... И когда деньги крутились в банкомате с легким шелестом, раздался слабый крик слева и звук падающего тела. Маруся обернулась. Около нее упала женщина – лет сорока пяти, растрепанные волосы и испуганный вид. Сумка женщины отлетела к двери. Маруся кинулась поднимать несчастную.

– Ну что же вы так? – пробормотала она. – Больно упали?

– Кажется, подвернулась нога, – хриплым голосом сказала женщина. У нее были крупные руки в золотых кольцах. – На ровном месте, как говорят.

– Ваша сумка. – Маруся подняла сумку с пола и протянула хозяйке.

– Да-да, спасибо, – женщина поднялась и, прижимая к себе сумку, попятилась от Маруси бочком. – Спасибо.

– Да не за что, – Маруся выдавила из себя улыбку. – Больше не падайте.

Женщина ушла. Маруся проводила ее взглядом, и тут ее словно ударило током, и она подскочила к банкомату.

Карточки не было! Не было и денег!

– Бли-и-и-н! – прошептала она пересохшими губами. – Только этого еще не хватало.

Но как же это случилось? Как? И вдруг вспомнились ноги, торчащие из-под плаката, упавшая женщина. Это был заговор мошенников, ее просто разыграли, а она поддалась. Нужно срочно звонить в банк, чтобы заблокировали карту. Трясущимися руками Маруся набирала телефон банка, но почему-то никак не могла дозвониться. Когда же ей ответили, то оказалось поздно, с ее карты сняли всю имевшуюся на тот момент наличность.

Это был КОНЕЦ! Приехали!

Маруся опустила прямо на стул, где еще недавно сидел мошенник, и разрыдалась. Хорошо, что ее никто не видит. Какая-то девочка лет пяти, привлеченная ее рыданиями, заглянула за ширму, посмотрела на Марусю круглыми карими глазами и убежала. Маруся провела рукой по лицу. Мокро! Достала бумажный платок, высморкалась и поехала домой.

«Смерть» – было словом, к которому Маруся примерялась вот уже как часа два. Она приехала домой и поняла, что жизнь зашла в окончательный тупик. Оставалось... что? А может быть, разом покончить с той ненужной опостылевшей жизнью, в которой ее не ждет ничего хорошего? Кости – нет, денег – нет, с работы она уволилась... Смерть – это было знакомо, Маруся уже умирала однажды в детстве, когда прыгнула с обрыва в речку, а там была коряга и длинные водоросли, ударившись о корягу и запутавшись в водорослях, она пошла ко дну; на берегу сначала ничего не поняли, а потом закричали и бросились за ней в воду. И что она помнила от того момента? Только собственную тяжесть и испуг. А потом – удивительную легкость и солнце, просачивающееся сквозь зеленую воду, и этот зеленый свет был таким спокойным, таким ласковым... Говорят, что когда ее вытащили из воды, на губах была улыбка. Ее с трудом откачали, и когда она открыла глаза, соседка тетя Валя перекрестилась, а Маруся спросила громким шепотом: «Что это было?»... И с тех пор Маруся боялась плавать одна. Только с кем-то. Она боялась воды. Боялась глубины...

Но сейчас все по-другому. Маруся глубоко вздохнула, встала на подоконник. Она стояла и смотрела вниз как зачарованная.

Ей почему-то казалось, что это все легко и совсем не страшно и больше не будет слез, нелепых объяснений и жалоб. Сейчас все закончится, шепнул ей внутренний голос. И будет хорошо... Ей осталось сделать последний шаг, но она все медлила и медлила, а по карнизу в доме напротив прошел толстый рыжий кот, взявшийся непонятно откуда, остановился и застыл, глядя на нее. И Маруся тоже стояла на подоконнике и смотрела на него. Ей казалось, что в кошачьих глазах читалось презрение к Марусиному времяпровождению и тому, что могло за ним последовать... Не сочувствие и внимание, а именно презрение. Еще минуту, он повернет голову и пойдет дальше, по своим кошачьим делам, а Маруся останется на подоконнике и сделает шаг вперед. Или не сделает... Или... не... сделает... Почему-то кот изменил ракурс. Еще минуту назад она все видела по-другому, а сейчас... Маруся увидела небо с красноватыми от заката облачками, собственный облупившийся в нескольких местах подоконник, клумбу ярко-желтых цветов, которая сверху смотрелась как желтый одуванчик, она услышала собственный голос, Маруся что-то шептала сама себе, но не могла понять что. То ли она сама себя уговаривала, то ли просила... Порыв ветра взметнул волосы, и они закрыли лицо. Маруся рукой отвела пряди, пошатнулась и схватилась рукой за раму. Рука скользнула по стеклу, и она качнулась назад. Кот исчез.

– Дура! – сказала она уже громко.

Маруся спрыгнула с подоконника и пошла на кухню. Открыла холодильник и увидела, что он пуст. А ей вдруг захотелось приготовить себе мясо с тушеными овощами или, на худой

конец, яичницу с беконом и помидорами. Она переделалась и вышла на улицу. Глазами поискала кота. Но его нигде не было...

«Не сквозь землю же он провалился», – подумала Маруся.

Коты не проваливаются. И не исчезают в никуда, они появляются в самые важные моменты твоей жизни. Особенно рыжие...

На всякий случай она обошла вокруг дома. Никого. На лавке около соседнего подъезда сидела старушка. Маруся подошла к ней и спросила про кота.

– Не видела, – сказала та после недолгой паузы. – А зачем он тебе? Много тут всяких котов ходит.

– Просто так....

На это ей ничего не ответили.

Маруся обошла вокруг дома второй раз. Кот исчез, а может быть, это была галлюцинация? Вряд ли... Она ходила по окрестным кварталам и звала «кис-кис». Иногда выбегали черно-белые, серые, полосатые коты и кошки. Но того, единственного, рыжего – не было... Уже начинало темнеть, пора было идти домой. Но ведь дома у Маруси не было. Что такое дом для женщины? Там, где ее любят и ждут. А такого угла у нее нет. Есть стены, холодные неуютные стены, и окна, которые не хочется распахивать, потому что солнечный свет беспощадно высвечивает пустое место рядом с ней в кровати и подушку, мокрую от слез.

Она присела прямо на бордюр и поежилась. Это был момент, когда было непонятно, что делать дальше. Работа, карьера – все расплывалось мутным пятном, как будто было в другой жизни. Не с ней. Она так старательно шла вперед, так радовалась, когда ее хвалили и давали ответственные задания. Ей нравилось чувствовать себя нужной и полезной, быть частью команды. Карьера, статус – это были для нее не пустые отвлеченные слова, а нечто конкретно-осязаемое. Новая машина, новые шмотки, собственное новое отражение в зеркале. Когда подбородок – выше, а глаза блестят ярче. И в большом зеркале отражается тоненькая фигурка, она каждое утро делала па. Вскидывала ногу вверх и улыбалась. Она – победительница.

А завтраки, как она любила эти завтраки... Хорошо поджаренные румяные тосты, мюсли, кофе. И музыка, которая вдохновляла и бодрила, настраивала на новый день, такой щедрый, замечательный, яркий...

И все было хорошо, но черт дернул ее однажды познакомиться с обладателем ярко-синих глаз. Одна мимолетная встреча, и она попала-пропала. И все...

Пронзительное мяуканье вырвало ее из размышлений.

Маруся подняла голову. На дереве что-то смутно белело, и оттуда раздавалось мяуканье.

– Эй, – позвала она. – Кис!

Взбираться на дерево было нелегко, пришлось вспомнить утраченные навыки. Дважды ветка под ней подозрительно скрипела, и Маруся с ужасом представляла, как сук обламывается, и она летит на землю. И в довершение ко всем ее несчастьям приобретает переломы и ушибы. Милая картинка, учитывая, что навещать ее в больнице некому.

«Крепись, Маруська, – говорила она сама себе, стиснув зубы. – Ну, давай же... Давай!»

Кот наблюдал за ней со снисходительным любопытством. Это был он! Рыжий чертяка! Она взяла кота под мышку, теперь спускаться с дерева было еще труднее. И все-таки последняя толстая ветка треснула, и Маруся полетела вниз, не успев даже крикнуть. Она упала и несколько мгновений лежала без движения, кот выскользнул из ее хватки, что-то

мягкое и пушистое полоснуло по рукам и исчезло в темноте. Марусе хотелось плакать, досаднее всего было, что кот ускользнул.

– Ну и черт с тобой! – сказала она, вставая и отряхиваясь. – Шляйся по помойкам. Не видать тебе куска колбасы и нежных сливочных сосисок.

Мяуканье раздалось совсем рядом, и Маруся повернула голову. Кот сидел в двух метрах от нее. Наблюдал, склонив голову набок.

– Ты здесь! – обрадовалась Маруся и, схватив, потащила домой. – За мной должочек, дружок, не могу я тебя оставить!

Кот не упирался.

Дома, осмотрев найденыша, Маруся поняла, что он с кем-то подрался. Вырванный сбоку клочок шерсти, царапина в опасной близости от глаза, которая кровоточила.

– С кем же ты так? – спросила Маруся. – Чего не поделили? Давай-ка я тебя обмою.

Кот не дался, а молча и серьезно оставил на руке Маруси две непересекающиеся багровые полосы. И тем самым показал, что последнее слово – за ним.

– Ах так! – не сдалась Маруся. – Тогда добро пожаловать в ветеринарку.

В круглосуточной ветеринарной службе врач, толстенький, в очках, объяснил Марусе, что кот здоров, блох нет, повреждения несерьезные, скоро заживут. Он взял новенький паспорт и спросил:

– Как зовут кота? Сейчас мы документ на него заведем.

Маруся стусевалась.

– Я только сегодня его взяла, он бездомный.

– Ну, назовите Мурзик, рыжик...

Маруся сразу вспомнила слова бабушки Елизаветы Федоровны: «Простота – хуже воровства. Не надо упрощаться. Нужно становиться сложнее, интересней. Надо читать книги и быть грамотным человеком. В древности ценили книги. Возьмем Александрийскую библиотеку и ее основателя Деметрия Фалерского»...

– Деметрий. Кота зовут Деметрий. Фамилия Фалерский.

– Фамилия необязательна.

– Нет, все-таки запишите, – настаивала Маруся.

Врач ничему не удивлялся. Видимо, насмотрелся на сумасшедших кошатников.

Он протянул Марусе ветеринарный паспорт со словами:

– Скорейшего выздоровления Деметрию.

Древние греки были стойками, и кот полностью оправдал их характер, он мужественно терпел, пока Маруся обрабатывала его раны, как ей посоветовал ветеринар. Это было на кухне, Маруся нервничала, что коту будет больно, но тот не показывал признаков волнения. Закончив лечение, она не удержалась и чмокнула кота в нос.

Тот поморщился и чихнул.

– Теперь уже не так страшно отправляться в изгнание, – сказала она. – Деметрий Фалерский бежал из Афин, после того как македонская партия потерпела поражение.

Кот слушал внимательно.

– Молодец! – улыбнулась Маруся. – Внимательный товарищ.

Утром она позвонила на работу и сказала, что готова вернуться в строй, не объяснив почему. Она ожидала от начальника насмешек и подколов. Но Владлен Сергеевич сухо ответил, что она может возвращаться, для нее новое задание, которое ей объяснит Марк Варкушин.

Марк тоже сделал вид, что ничего не было. Деловым тоном объяснил Марусе суть задачи, которая ей предстояла, – нужно было принять участие в работе предвыборного штаба одного крупного приволжского города. Там готовились к избранию нового мэра.

Маруся собралась быстро. Вечером приготовила чемодан, покидала туда вещи. Все упаковывала наспех, решила, что всякие мелочи купит на месте, уже там, в новом городе, где ей предстояло жить...

Уезжать надо было утром. Маруся прошла в комнату к бабушке. Здесь все осталось по-старому, она редко заходила сюда, потому что все напоминало о бабушке, которой уже не было. Когда Маруся натыкалась взглядом на ее вещи, часто начинала плакать. У нее не поднялась рука что-то изменить или выкинуть из комнаты. Около окна почти во всю стену тянулся большой книжный шкаф. Бабушка была специалисткой по английской литературе, и шкаф заполняли издания на эту тему. Маруся вспомнила, что бабушка рассказывала о своей родне. Их предки были из дворян. Но, как и многие в революцию, потеряли все. А интерес к Англии был унаследован почти на генетическом уровне. Бабушка самой Елизаветы Федоровны – умница, красавица – училась в Сорбонне вместе с поэтом Николаем Гумилевым. Была знакома с Папюсом, известным мистиком и оккультистом того времени. Он приезжал в Россию по приглашению императорской семьи, лечил царевича Алексея...

– Бабушка, как жаль, что я так мало знала о тебе, не расспрашивала ни о чем. Если бы можно было повернуть время вспять... – прошептала Маруся. – Я бы все расспросила, как жаль, что люди не понимают скоротечности времени. Кажется, что все еще можно успеть...

Кот зашел за ней в комнату. Прыгнул на стол и, потянувшись за карандашом, лапой свалил его на пол.

– Прекрати! – крикнула Маруся.

Но было уже поздно, кот приземлился на пол и стал играть карандашом, прыгая вокруг него. Карандаш вертелся и катился с легким шелестящим звуком по полу.

Последний рывок, и карандаш закатился под книжный шкаф.

– Ну что ты за тип! – с чувством сказала Маруся. – Теперь нужно лезть, доставать этот карандаш... Не мог остановиться, что ли, вовремя?

Она села на пол и посмотрела на кота. Деметрий с интересом следил за ее манипуляциями, Марусе даже показалось, что кот ухмылялся.

– А ну тебя! – Она легла на пол, чтобы посмотреть, куда закатился карандаш. Под шкафом было темно, карандаш белой стрелкой смутно виднелся в углу. Маруся протянула руку, карандаш лежал на слегка вздувшейся половице, пальцы нащупали что-то шероховатое. Маруся вынула из кармана сотовый и посветила им, как фонариком. В прорези половицы виделось что-то белое. Ей стало интересно.

– Что будем делать, друг? – спросила она кота, усаживаясь на полу.

Кот недовольно щурился. Как все мужчины, он боялся ответственности за принятое решение.

Через минуту решение было найдено. Маруся вынула книги из шкафа, сложив их на кровать, и попыталась сдвинуть его с места.

Шкаф подался не сразу, Маруся постелила под него коврик и стала тихо тащить шкаф по полу.

После она ножом поддела три половицы и обнаружила там тайник.

Листы, свернутые в трубочку. Маруся развернула их и пробежала текст глазами – это

был перевод. Английский почерк незнакомый, а перевод был написан рукой бабушки? Она поднесла листы ближе к глазам... Не было ни названия. Ни имени. Просто текст.

«Я решил писать дневник для себя. Все дневники пишут для себя. Но этот будет особенным. Это будет еще один дневник. Или дубль-два. Как письмо неизвестному адресату. Этот дневник станет моим личным средством психотерапии. Он нужен мне, чтобы окончательно исцелиться. Нет-нет, я не болен, я бы никогда не сказал так о себе, просто... Просто иногда мне кажется, что лучше бы было избавиться от некоторых моментов своей жизни, например, провалов в памяти. Я не знаю, когда они начались... И что явилось причиной?»

Но я знал, что главные события ждут меня впереди.

И знал, что моя жизнь будет необычной – по-другому быть и не могло.

И я обязательно прославлюсь...

Меня знают, в какой-то степени я уже стал известным.

Но этого мало.

У меня чувство, что я буду держать в руках судьбы мира...

И этот момент наступит довольно скоро...»

Что это? Зачем ей все это сейчас? Маруся села в любимое бабушкино кресло и закрыла глаза... Листки упали на пол, и она не стала их подбирать.

Потом открыла глаза, собрала бумаги, прочитала еще раз уже прочитанный текст. Неожиданно стало любопытно. Маруся решила дочитать все уже на новом месте.

Она вышла из комнаты: под мышкой – кот, в другой руке листы.

Маруся сунула листы в чемодан и закрыла его. Завтра нужно было рано вставать...

Глава вторая

Письмо неизвестному адресату

Глядя назад, очень легко делать выводы: отсюда ясно видны события, которые привели к тому, что рано или поздно должно было случиться... В настоящем поворотные пункты ускользают. Проходят мимо незамеченными. Мы упускаем возможности, принимаем катастрофы за удачи. И только потом какие-то события становятся знаковыми, их называют так историки, пытающиеся придать запутанным клубкам жизни хоть какое-то подобие порядка.

Кейт Мортон. «Когда рассеется туман»

США, 1960 год

Ах, как он любил Америку конца пятидесятих годов! Золотые денечки были для страны! Потом многие, кому довелось жить в Соединенных Штатах в то время, вспоминали о нем с ностальгией. Те времена уже никогда не вернуться, времена кумиров, ярких людей, голливудских звезд, которые были не девчонками и парнями с соседского двора, а настоящими небожителями. И, конечно, она, богиня Голливуда – Мэрилин Монро.

Он был тогда совсем мальчишкой, учился в школе советского посольства в Вашингтоне, и пребывание в Америке стало для него одним из самых ярких и счастливых впечатлений жизни. Отец работал в посольстве, был вечно занят, и они с матерью каждый раз с напряжением и тревогой ожидали его возвращения домой после трудового дня. Кругом были враги, и расслабляться не стоило: мать ужасно боялась, что отец поддастся «прелестям капиталистической жизни» и как-то скомпрометирует себя – либо свяжется с девицей легкого поведения, либо его завербует ЦРУ. Об этом мать однажды сказала ему шепотом, когда он спросил, почему мама ходит заплаканной уже с утра. Но все тревоги и страхи матери он понял гораздо позднее, а тогда просто наслаждался тем, что вел не такую жизнь, как большинство его сверстников в Советском Союзе.

В доме были журналы, которые он мог часами рассматривать – все было незнакомым, ярким, веяло другой жизнью: шикарные автомобили, небоскребы, улыбчивые крепкие мужчины... А девушки! Каждая из них была богиней, достойной внимания и преклонения. И жгучие брюнетки – решительные, смелые, как Ава Гарднер. Или сладкие карамельные блондинки – как Мэрилин...

А музыка! Джаз...

Эти золотые ноты блюза, которые выводил Би Би Кинг... Они заставляли больно и сладко сжиматься сердце, обещая что-то волшебное и несбыточное. Повзрослев, он не утратил любви к джазу, до сих пор любил его слушать, особенно когда оставался один...

Впервые он услышал имя Кеннеди, когда однажды отец вернулся домой и сказал:

– Джон Кеннеди выдвигается на пост президента США. Этот парень еще даст всем прикурить!

– О чем ты? – откликнулась мать.

– О Кеннеди! Он еще задаст всем шороху. Парень ворвался в политику, растолкав всех локтями. И нажил себе немало друзей и врагов. Он слишком высоко взлетел, а этого не прощают. Но нам вроде бы бояться нечего. С СССР он ссориться не станет, у него куча внутренних проблем, которые он должен решить в первую очередь.

Хотя дети сотрудников посольств и росли в относительной изоляции, все же веяния мира доходили и до них. Иногда он читал газеты, которые приносил отец. Это было так странно – знать, что твоя родина – лучшая страна в мире, страна победившего социализма, а на страницах газет читать о «русской угрозе», о том, что «Советы мечтают установить коммунистические режимы по всему миру», и о чем-то в том же духе.

Отец, к которому он однажды обратился за разъяснениями, ответил:

– Тебе еще рано задумываться о таком. Поговорим позже. Большинство тех, кто пишет на эти темы, никогда не был в СССР и не разбирается в истории и вообще мало в чем разбирается. Журналисты пишут так потому, что это редакционное задание, спущенное сверху. Вот и все.

– А у нас? – шепотом спросил он. – Тоже пишут по заданию сверху?

Отец нахмурился и строго сказал:

– Чтобы я такого больше от тебя не слышал! Никогда!

Вопросы и осадок остались, но спорить с отцом он не решился.

Читая американские газеты и журналы, он словно погружался в другой мир. Впрочем, так оно и было. Этот мир был расцвечен всеми красками, как радуга: красивые девушки, музыка, кайф, легкость и необременительность... Свобода, которая в то время казалась таким сладким и запретным плодом.

Потом он понял, что все имеет и обратную сторону, но тогда об этом не знал...

Он любил смотреть телевизор, когда в кадре появлялся Джон Кеннеди: тот, казалось, сразу занимал собой все пространство. Лучезарная улыбка, взгляд человека, который уверен в себе и лихо обходит на поворотах других, но делает это с такой милой мальчишеской гримасой, что невозможно не поддаться его обаянию... «Я – хороший парень, и, выбрав меня, вы не прогадаете, вы сделаете лучший выбор в своей жизни», – говорил весь его облик.

Он не сразу понял, что влюбился в Кеннеди – точнее, в его образ. Джон Кеннеди выглядел как принц из волшебных сказок. Все развивалось по сказочному сюжету: большая дружная семья, красавица-жена – необычная, с диковатым взглядом, но вместе с тем утонченная аристократка. Они хорошо смотрелись рядом. На него работал весь клан Кеннеди, и Джон обязан был выиграть. Это семейство шумных напористых ирландцев – будто выпавшие из одного гнезда прожорливые алчные птенцы, которым всего было мало – славы, богатства, влияния. Они всерьез намеревались завоевать Америку и шли к своей цели.

Отец непонятно почему ходил то мрачным, то веселым. Эти перемены настроения угадать было трудно. Как он понял, на работе у отца были трудности, связанные как раз с предвыборной кампанией. В Москве думали, чего ожидать от нового кандидата, делали прогнозы, просчитывали ситуации.

Однажды отец сказал, что они едут в Нью-Йорк. Всего на один день.

Он помнит до сих пор этот изумительный Централ-парк в Нью-Йорке, знаменитый мостик, воспетый художниками, темно-синюю гладь озера...

Была осень. Яркая, огненная, по-летнему тихая и солнечная. Листья всевозможных расцветок окрасили город в разные тона, и от этого Нью-Йорк выглядел не высокомерным мегаполисом, а каким-то свежим, юным. Они с отцом сидели на скамейке в парке,

открывался прекрасный вид на озеро и город. Отец повернулся к нему и сказал:

– Сейчас я познакомлю тебя с одним человеком. Он очень хороший журналист. Один из лучших в нашей стране. Настоящий профессионал своего дела.

Мальчик с трудом оторвал взгляд от двух девушек, бегавших наперегонки. Девушки весело смеялись, и взрывы смеха доносились до них. Одна была одета во что-то ярко-желтое, другая – в клетчатую юбку и серый пуловер.

– Да? И кто он?

Отец немного помедлил, а потом проговорил:

– Журналист Валерий Корин.

Мальчик сдвинул брови.

– Ты часто говорил о нем. Теперь я вспомнил.

– Да. А теперь пора познакомиться вживую. Он очень занятный человек.

Что имелось в виду под этим словом, отец уточнять не стал.

– Постарайся произвести на него положительное впечатление. Это единственное, о чем я тебя прошу.

– Я понял, пап. – Ему было даже странно, что отец так волнуется. Тогда он не придал этому никакого значения. И только потом понял, почему произвести впечатление на журналиста Корина было важно.

Валерия Корина они увидели издалека. Мужчина шел быстрым шагом, сутулясь, как нахохлившаяся птица, а его серый плащ от порыва ветра напоминал распростертые крылья. Он поднимался к ним на холм, отец еще издалека помахал ему рукой, а тот, приложив руку к глазам козырьком, помахал в ответ. Когда Корин подошел ближе, мальчик поразился: какие у него крупные руки, и лицо, как будто бы его лепил скульптор. Чуть скошенный подбородок и странный взгляд. Чем-то глаза журналиста напоминала рыбы – в глубине их мерцала сонливость. Но это впечатление было напускным и обманчивым. На самом деле Валерий Игнатьевич ничего не упускал из вида, просто у него был такой имидж: спокойного равнодушного человека, но в реальности он быстро все присекал и моментально анализировал со скоростью лазера. Что со стороны было не видно и не заметно и позволяло ему наблюдать за людьми, не обнаруживая своего интереса.

Корин подошел к ним и вскинул руку вверх.

– Привет, пионер!

– Он уже комсомолец, – сказал отец, чуть ли не заискивающим тоном.

Мальчика это удивило: обычно отец говорил быстро, четко, как диктор на телевидении.

– Как дела?

– Хорошо, – ответил он.

– Чем увлекаешься?

– Дельтапланеризмом. Хочу стать летчиком. Или историком, – немного подумав, добавил мальчик.

– Историк – это хорошо. А журналистом?

– До этого еще далеко, – вставил отец. – Выбор профессии – дело ответственное. Тут нужно с умом подойти, чтобы не ошибиться. Как говорится: семь раз отмерь, один – отрежь. Так что нам торопиться некуда.

– Тоже верно, – кивнул Корин. – Ошибаться нельзя. Вот я знал с детства, что стану журналистом. Нравилось писать: ярко, остро, обо всем, что вокруг нас. Обозначать проблемы, помогать их решать, воспитывать и прославлять человека труда, нашу

социалистическую родину. Я всегда знал, что врагов у нас много и с ними нужно беспощадно бороться. Не расслабляться. Мы ведь здесь находимся в стане врага. – При этом глаза ощупывали собеседников. И вдруг без всякого перехода Корин спросил: – А Америка нравится тебе?

– Да. – Но, перехватив укоризненный взгляд отца, мальчик поправился: – Но наша страна лучше.

– Правильно. Так и должно быть. И всегда помни об этом. Не забывай. Впрочем, твой отец и не даст тебе забыть, – сказал журналист с легкой усмешкой.

Мальчику эта усмешка не понравилась, а вот отец отнесся к ней серьезно, даже слишком: он покраснел и странно дернул головой – не то в знак согласия, не то в знак отрицания.

– А кто, по-твоему, победит на выборах? Кто станет президентом США?

Не задумываясь, он выпалил:

– Джон Кеннеди.

– Да ты хорошо в политике разбираешься. Молодец! Ну-с, молодой человек, – теперь Корин смотрел на него насмешливо, – может быть, оставишь нас с отцом наедине? Двум взрослым людям нужно потолковать между собой о взрослых делах. Без свидетелей.

Без свидетелей, резануло его. Как будто бы он был ябедой или стукачом. Он умел хранить секреты и никогда не выдавал их. И прекрасно понимал, что такое настоящий секрет. Иногда отец подходил к нему и говорил: «Я знаю, что ты мужчина и умеешь хранить секреты, я уверен в этом и поэтому могу тебе доверять. Ты же все понимаешь...» Эти слова наполняли его гордостью. Он был нужен отцу, тот доверял ему... Мальчик, как парус, сразу надувался ветром собственной значимости. Отец никогда бы не отослал его. Он знал, что его сын – не предатель. Легкая обида кольнула в сердце. Но отец ласково потрепал его по плечу:

– Иди!

– Да, конечно.

Он побежал по склону холма чуть ли не наперерез двум девчонкам, по-прежнему заразительно смеявшимся. Они мельком посмотрели на него и побежали дальше. У одной из девушек были чуть раскосые глаза и ямочки на щеках. А волосы – рыжие и на солнце казались еще рыжей, как будто кто-то плеснул на них из ведра с краской цвета меда. Он покраснел и отвернулся, а потом сел прямо на траву. Пахло теплом и скошенными травами. Мальчик обернулся и посмотрел на отца, беседовавшего с Кориным. Отец выглядел озабоченным, серьезным, а журналист махал руками, словно разговаривал с глухонемым.

«Станный какой-то, – подумал он, – вроде бы дядька неплохой, но как посмотрит, не по себе становится. Взгляд как иглой протыкает. И почему-то отец его... побаивается. Да-да, несмотря на свой возраст, я вижу, что побаивается. Чудно как-то!»

Он сидел на траве и вдруг неожиданно подумал о своем будущем. В последнее время он стал думать о будущем не отвлеченно, а вполне конкретно, реально. О том, кем он станет, что с ним будет... Больше всего хотелось стать летчиком и смотреть в небо твердым взглядом, прикрывая ладонью глаза от солнца. Летчики – это класс. «Им покоряется стихия» – вспомнил он какой-то плакат из журнала. Но... если совсем честно, и под ложечкой как-то странно засосало... хотелось бы остаться в Америке, в Нью-Йорке. Этот город ошеломлял, он был как пестрый наряд клоуна – яркий, разноцветный... Небоскребы, как огромные карандаши, своими остриями касающиеся неба, жители такие разные: и работники контор – строгие, в галстуках и костюмах, и молодежь в модных джинсах, и девушки на каблучках с

пухленькими губами, и негры, которые были ему в диковинку. Один из них играл на саксофоне, он остановился послушать, но отец дернул его за рукав, и они пошли дальше. А жаль! Такая классная музыка лилась из-под пальцев этого старого опухшего негра в пестром балахоне и вязаной шапочке на голове. Мальчик еще раз посмотрел на отца и Корина: все разговаривают. А если все-таки... остаться здесь, в Америке. Но как?

Он выплюнул пожухлую травинку и растянулся на траве. Осеннее солнце было расслабленным, ленивым и грело как бы нехотя. Незаметно дрема сморила его, и он не сразу услышал, как подошел отец.

– Просыпайся, нам пора.

Он открыл глаза и сел, отряхивая брюки.

– Ты один? А где...

– Валерий Игнатьевич уже ушел. Тебе привет передал. Как он тебе? – внезапно спросил отец.

– Нормально. Мы с ним еще увидимся?

– Конечно, хотя, может быть, лучше... – но свою мысль отец не закончил.

А через несколько месяцев всю Америку охватило ликование – президентом стал человек, который обещал перемены. Джон Фицджеральд Кеннеди. 35-й президент США.

Волжский город. Наши дни

В поезде народу было немного. Рядом были свободные места. Маруся поставила переноску с котом на кресло справа. Кот глухо, недовольно поворчал. Маруся наклонилась к нему и шепнула:

– Потерпи, товарищ Фалерский. Скоро будем на месте.

В поезде Маруся подремала, потом проснулась, посмотрела в окно: зеленые деревья, синее небо без облаков – ровная яркая синева... Вспомнила про бумаги, найденные в тайнике, и решила почитать, чтобы скоротать время.

«Вести дневник мне посоветовала моя русская переводчица Римма. То есть не посоветовала, а просто мимоходом сказала, что многие русские писатели вели дневники, и при этом как-то странно посмотрела на меня. В мозгу что-то щелкнуло, и я подумал – почему бы нет? Это мне поможет избавиться от чувства страха. Я знал, что все будет так, как я захочу, но иногда меня терзали сомнения, и я казался самому себе слишком самоуверенным.

Но, наверное, стоит начать с самого начала – с моего детства. Хотя оно было ничем не примечательное. Я даже не могу вспомнить какие-то особо счастливые моменты. Или их не было? А может, они стерлись из памяти. Но так быстро? И что со мной происходит? У меня было два брата? Или один? Вроде с одним я поссорился... Или он умер? И куда деваются люди, которые исчезают из нашей жизни? Но начну строго по порядку. Хотя всю жизнь разрывался между порядком и анархией. Меня принуждали быть как все, вписаться в существующую жизнь, а мне хотелось ее разрушить...

Я родился в Новом Орлеане 8 октября 1939 года. Кроме меня, в семье было еще двое детей – Роберт и Джон. Джон был сводным братом от первого скоротечного брака матери, о котором она практически никогда не говорила.

Самое первое воспоминание моего детства – озабоченное лицо матери, склонившейся надо мной. Она не улыбалась и не выглядела счастливой, а смотрела именно сосредоточенно-озабоченно, словно мать ожидала увидеть кого-то другого вместо меня. А может быть, она была не рада моему рождению? Ведь отец умер, когда я еще не появился на свет. И скорее всего, она уже тогда хотела избавиться от меня, но было уже поздно. Вряд ли ей доставило радость мое появление. Лишняя обуза, лишние хлопоты....

Так мы и смотрели друг на друга. Я – на мать, она – на меня, как будто бы примерялись друг к другу, оценивали и думали, как нам жить вместе. Смешно сказать, но почему-то я думаю, что все было именно так. Говорят, что младенцы мало что соображают – это неправда, просто они не могут выразить словами. А потом случилось и вовсе не понятное – горячая слеза упала мне прямо на лицо, и я недовольно поморщился. Мать смотрела на меня с тревогой, и я было собирался заплакать, но почему-то затих. Я вдруг понял свою глубочайшую ненужность никому. Я не мог это выразить ни словами, ни чувствами, наверное, только чувствовал кожей. Да, именно так, нутром и кожей я понял это. И понял, что так будет всю мою жизнь. Наконец робкая улыбка появилась на лице матери, а я закрыл глаза. Я ей не верил, мне хотелось остаться одному. Если бы кто-то прочитал мой дневник, но я знаю, что этого никогда не будет, он бы сказал, что я крейзи, сумасшедший, и мое место в психушке. Или что я все придумал. Но клянусь: все было именно так.

Позже я понял, почему плакала мать и почему я закрыл глаза. Это было неосознанным движением – стремлением отгородиться от всего мира, которому я был не нужен.

Мать воспитывала детей одна и меня, двухлетнего, была вынуждена отдать в детский дом, где я провел тринадцать месяцев.

Я был там совсем один в чужом пространстве и с чужими людьми. И руки, которые прикасались ко мне, были холодными. И этот холод от прикосновений я запомнил навсегда. На всю жизнь.

Потом мы колесили по Америке, постоянно переезжая с места на место, нигде не задерживаясь и не пуская корни. У меня не было своего дома, дома, о котором я мечтал. Я ненавидел окружающую действительность, раз уж она не дала мне того, что я хотел.

Мать работала как каторжная, чтобы прокормить семью, и у нее не было времени на то, чтобы общаться с нами, своими детьми, разговаривать по душам... Но вряд ли мать вообще была на это способна. Она была яркой, сильной, волевой, принимала решения импульсивно, не задумываясь о последствиях. И еще она очень хотела выбиться из нищеты, но у нее плохо получалось. Она любила моего отца, но семейное счастье длилось недолго... Словом, она была невезучей женщиной, хотя упорно не хотела признаваться в этом.

Ей даже удалось выйти замуж в третий раз, но и новый брак был обречен. Яркая умная женщина, она не могла найти себя ни в личной жизни, ни в работе. Что могла предложить Америка в те годы женщине? Практически ничего. В то время царил культ домохозяйки, воспитывающей детей-ангелочков, когда муж был на работе и зарабатывал деньги, необходимые семье. А если мужа не было и женщина не обладала престижной профессией, то дела ее шли совсем плохо. Как у моей матери.

Мои старшие братья учились в военной школе, и когда ее окончили, вернулись к матери, мы снова жили вместе. Учился я неплохо, но терпеть не мог математику, лучше дело обстояло с гуманитарными предметами.

Я научился обходиться без людей и привык к одиночеству. Меня не тянуло в общество. Пример моей матери доказал: надеяться нужно только на себя. Люди всегда подведут.

Когда ты постоянно переезжаешь с места на место – лучше ни к кому не привязываться, так ты не будешь потом переживать».

Маруся задумалась. Повертела листы бумаги. Интересно, что это? И почему бабушка спрятала эти записи? Она наморщила лоб. Возможно, это книга? В то время интересную запрещенную литературу перепечатывали и отдавали друг другу под страшным секретом. Были диссиденты, которые хранили запрещенную в СССР литературу, например, «Архипелаг ГУЛАГ». Может быть, это запрещенный текст? Но СССР уже давно не было, а бумаги оставались в тайнике. Бабушка могла забыть о них? Хотя она на память никогда не жаловалась. Непонятно...

Маруся еще раз пробежала глазами текст – писавший утверждал, что он родился в Новом Орлеане в 1939 году. Можно попробовать задать поиск в Интернете. Маруся вынула из сумки телефон. Но Интернет в поезде ловился плохо. После нескольких безуспешных попыток поймать Сеть Маруся решила пока отложить этот вопрос.

Она засунула листы в боковой карман чемодана. Поезд уже подъезжал к городу...

На вокзале Маруся поймала такси и попросила отвезти ее в центр. На первое время она собиралась снять гостиницу. А потом посмотреть, что и как.

Деметрий недовольно пробурчал, когда перевозка была втиснута между ее боком и сумкой. Маруся из-за кота села на заднее сиденье.

– Потерпи! – шепнула она. – Скоро будем на месте.

Недовольный взгляд кота был ответом.

– Ну что, поехали? – спросил шофер, смотря на нее в верхнее зеркальце.

– Поехали!

Мимо проплывал город: высотки окраин сменились историческими кварталами: двух-трехэтажная постройка, нежно-голубые и бледно-желтые домики, лепнина, балкончики....

– Вы тут впервые?

– Впервые....

– По делам или как?

– Пока не знаю.

– Это как? – удивился шофер.

Она рассмеялась.

– А вот так... – Ничего объяснять не хотелось.

Между двумя домами в глубине за зеленой оградой показался одноэтажный домик с пышной красной геранью на окне. Рядом с геранью стояла плетеная корзинка, а в ней – мотки пряжи: голубые, желтые, бордовые... Такая же корзинка была у ее бабушки Елизаветы Федоровны....

– Стойте! – крикнула она. – Остановитесь.

– Мы еще до центра не доехали.

– Не надо. Остановите здесь. Я выхожу...

Шофер недоуменно пожал плечами.

– Нужно крюк сделать, тут и парковаться нельзя.

– Ну так сделайте....

Машина остановилась недалеко от чугунной ограды.

Чемодан был вынут из багажника, одна сумка через плечо, в руках переноска.

– С вас – триста рублей. Вот телефончик, если что, звоните... – Шофер был немолодым, с обвисшими усами и выщербленным зубом спереди.

– Спасибоочки.

Машина уехала, а Маруся сделала два шага вперед.

– И что нас там ждет, Деметрий? – спросила она вслух. Мимо прокатил мальчишка на велосипеде. Он вильнул и чуть не выпустил руль из рук.

Маруся опустила глаз и увидела, что Деметрий прижался мордой к решетке и открыл рот. Как в фильме ужасов.

Мальчишка загляделся на кота...

Маруся толкнула калитку и оказалась в небольшом красивом дворике с двумя клумбами. Зеленая травяная дорожка, весело петляя, шла к дому. Она поставила чемодан на газон и направилась к домику. Дверь распахнулась; пожилая женщина, возникшая на пороге, ничем не напоминала ее бабушку: высокую, худую, с аккуратно уложенными волосами. Нет, старушка, стоявшая перед ней, была плотной, низенькой, с круглым лицом, на щеках две ямочки. Одета в пестрое платье, а в правой руке держала половник.

– Вы к кому?

– К вам. Вы жилье не сдаете?

– Нет.

– Жаль, – вздохнула Маруся. – Я хотела у вас остановиться. Мне очень домик понравился.

– Приезжая?

– Да.

– Надолго?

– Пока не знаю.

– Заходи, чай попьешь, а там видно будет.

– Я не одна.

– А с кем? – не поняла женщина.

– С котом. Деметрием.

– Да ну! А что за кот?

Маруся выпустила Деметрия из сумки, и тот некоторое время сидел, недовольно шурясь от света, потом чихнул и, задрвав хвост, прошелся.

– Красавец!

Рыжая шерстка блестела, переливалась на солнце.

– Пусть он пока у вас погуляет.

– Да пусть гуляет. Не жалко.

Домик внутри был волшебный: печка с изразцами, огромный самовар в углу, на стенах декоративные тарелки с видами города и большой сотканный из лоскутков петух.

Чай был горячим, с баранками и пирогами. Маруся пила чай, обжигаясь, дула на кипяток.

– Ну рассказывай теперь. Зачем к нам приехала?

Маруся неожиданно для себя рассказала Капитолине Михайловне – так звали старушку – практически все. И про подлеца Константина, и собственное отчаяние, и бесперспективность жизни. Она так и выговорила, без запинки, два раза: «бесперспективность»... И заплакала, хлюпая носом. Стало себя жалко.

– Ох, какие же вы все глупые, – протянула Капитолина Михайловна. – Глупые-

преглупые. Раз любовь кончилась, так и жизнь закончилась. Так, что ли?

Маруся заревела в полный голос.

– Ладно, допивай чай, отдохни, а потом решим, что с тобой делать. Сейчас пообедаем с тобой.

– Да я не хочу, аппетита нет никакого.

– Как это нет? А картошечка рассыпчатая, огурчики малосольные, грибочки маринованные, рыбка свежая... Борис Семеныч принес. А ты – аппетита нет...

Капитолина Михайловна расставляла тарелки с едой на столе: все лоснилось, пахло, источало ароматы, выглядело, как на голландских натюрмортах... И – да: картошечка таяла во рту, огурчик хрустел на зубах, от грибочков текли слюнки, а рыбка....

– Можно еще рыбки? – попросила с набитым ртом Маруся и смутилась. – Ой, я, наверное, что-то не то сказала. Снахальничала...

– Все нормально. Рыбки ешь сколько сможешь. Борис Семеныч еще наловит.

Маруся не помнила, как она дошла до кровати, а потом рухнула во что-то мягкое, пышное и уснула...

Проснулась она от того, что отчаянно мяукали. Маруся открыла глаза. На подоконнике сидел Деметрий и издавал истошные звуки.

– Ты как? – спросила Маруся и, вскочив с кровати, подошла к подоконнику.

За окном был сад. Маленький, но настоящий. Две огромные яблони, одна из которых своей тяжелой веткой с налитыми зелено-красными яблоками почти дотягивалась до подоконника, другая росла поодаль. Стояла еще ива с плакучими ветвями и декоративный прудик с искусственными утками.

– Маруся! С добрым утром! Проснулась? – услышала она голос Капитолины Михайловны. – Тогда сейчас чайник поставлю.

За чаем Маруся сидела, сжавшись: было жаль покидать этот домик.

– Деметрий вас не беспокоил?

– Кот-то? – откликнулась хозяйка. – Нет. – И улыбнулась: ямочки на щеках обозначились еще сильнее. – Он всю ночь гулял. Пришел под утро, весь в росе. Кофе или чай?

– Кофе, если можно.

– Можно, отчего ж нельзя.

Когда завтрак был закончен, Маруся встала.

– Спасибо, сколько я вам должна?

– Нисколько, сядь. В общем, так, – протянула Капитолина Михайловна. – Живи пока у меня. Правда, комнатка, как ты видела, маленькая. Особых удобств нет. Так что, если вдруг захочешь в гостиницу или в более современные условия, обижаться не стану. Плата моя – десять тысяч рублей в месяц. Вместе с едой – пятнадцать. Но особых разносолов не жди. Выбери! Подумай, что тебе подходит: мой дом или гостиница.

– Я согласна, – закивала Маруся. – Мне у вас очень нравится. А кот?

– Пусть живет... Ничего страшного. Он – парень, судя по всему, самостоятельный.

Маруся провела ладонью по волосам. Пора приступать к новой работе. Она вспомнила про бабушкины бумаги. «Новый Орлеан, 1939 год», – всплыло в памяти.

Маруся прошла в свою комнату и, взяв в руки телефон, забила в поисковике, и ей высветилось: Освальд Ли Харви – убийца президента Кеннеди...

Как странно! Почему у бабушки хранился его тайный дневник? Как он к ней попал? И почему бабушка никогда о нем не упоминала? Она его переводила?

Маруся взяла блокнот и сделала там пометку, написав: бабушка, Освальд Ли Харви. Как все это странно! И ничего на ум не шло! Какая-то непонятная загадка!

Она потрянула головой и решила сосредоточиться на сегодняшнем дне и работе.

Маруся нашла в списке контактов телефон секретаря Королькова и набрала номер.

Двухэтажный особнячок – здание начала прошлого или конца позапрошлого века, выкрашенное в бледно-голубой цвет, – прятался в глубине двора за раскидистыми кустами сирени. Крылечко было оформлено затейливым козырьком с завитушками. Дверь закрыта. Маруся нажала на кнопку звонка-домофона, но не успели ей ответить, как дверь распахнулась, и выскочила тоненькая заплаканная брюнетка с распущенными волосами. Мелькнула короткая черная юбка и белая блузка. Маруся стояла и смотрела ей вслед.

Выбежав за ворота, девица повернула направо и скрылась с Марусиных глаз.

– Где она? – услышала Маруся позади себя зычный рык.

Она обернулась.

Прямо перед ней высился охранник.

– Там, – махнула рукой Маруся, – побежала направо.

– Ясно дело. А ты куда?

– К вам.

– К «вам» не бывает, – назидательно сказал охранник. – Конкретно к кому.

– Ну... к Королькову.

– К самому ПашСергеичу?

– Да.

– А от кого?

Марусе стало смешно.

– Можно пройти и все объяснить самому Королькову? А то я здесь стою и теряю время. Меня направили из Москвы, по договоренности.

– Так бы и сказала. Проходи, – и охранник отошел в сторону, освобождая путь.

В особняке пахло кофе и еще чем-то сладким, похожим на ваниль.

– Вторая дверь слева, – крикнул охранник. – Не ошибешься.

В комнате, куда вошла Маруся, находились трое. И, судя по всему, они о чем-то спорили, потому что из-за двери она слышала голоса на повышенных тонах, но стоило ей войти – все стихли.

За столом сидел Корольков, Маруся узнала его, утром она нашла фото в Интернете – светло-русые волосы зачесаны назад и открывают высокий лоб. Серые глаза, чувственные губы, на подбородке ямочка.

Он был генеральным директором строительной компании «АМТЕК», президентом банка «Волжский купец», а также был председателем культурного фестиваля «Волжские зори», кроме этого, в его ведении имелся еще ряд компаний и предприятий. И вот теперь Корольков выдвинул свою кандидатуру в мэры.

Другой мужчина сидел, положив ноги на стол, спиной к Марусе. И при ее появлении даже не повернулся. Третьей была женщина – лет тридцати пяти, плотная блондинка в синем

костюме. С тяжелым взглядом, она была довольно красива, но вся ее красота казалась тяжелой, и сразу бросалось в глаза, что ей приходится бороться с весом. Волосы забраны в пучок, глаза подведены синими стрелками.

– Вы к кому, девушка? – обратилась к Марусе блондинка.

– К Королькову. Из Москвы.

– А, вы... новая помощница, – улыбнулся Корольков. – Прошу в нашу команду.

Когда Корольков улыбался, то улыбка вспыхивала и освещала лицо: она играла-порхала на губах, таилась в глазах... Эта улыбка манила и притягивала людей, они ныряли в море обаяния, не в силах оттуда вынырнуть.

Парень, сидевший в кресле, резко крутанулся и уставился на Марусю. Ему было двадцать три – двадцать четыре года. Тонкие черты лица, тонкие губы, торчащий кадык и язвительный взгляд светлых глаз.

– Паш! А кого нам прислали? – громко задал он вопрос, словно Маруси и не было.

– Дэн, не придуривайся, нам кого попало порекомендовать не могли. Это во-первых. А во-вторых, так говорить при даме невежливо. Риточка, организуй чай... Вас как зовут?

– Маруся, Мария...

Дэн посмотрел в потолок и фыркнул, словно видел там что-то смешное.

– Ма-ру-ся! Что за имя! Боже мой! – воскликнул он, воздевая руки вверх.

– Дэн, брось! Не паясничай. Не обращайтесь на него внимания. – Корольков снова блеснул-сверкнул ослепительной улыбкой. – Он – парень хороший, но немного... хулиган.

Взяв со стола стрелу дартса, Дэн запустил ее в круг. Стрела точно попала в яблочко.

– Bravo! – захлопал Дэн самому себе.

– Вам кофе? Или чай? – поднялась со стула Маргарита. – С молоком? Без? С сахаром?

– Кофе. Без сахара и без молока.

Когда-то она прочитала, что, если хочешь произвести впечатление, то нужно заказывать кофе без молока и без сахара, тогда у людей о тебе складывается впечатление как о решительном и волевом человеке.

– Опа! – захлопал в ладоши Дэн. – Крутая женщина. Респект. И уважуха.

«Шут гороховый» – говорила про таких бабушка. Но шут играл свою роль сознательно, напоказ...

Маргарита, слегка вильнув бедрами, направилась в соседнюю комнату, где, очевидно, была кухня.

– Ну что, – Павел Эдуардович протянул руку, – будем знакомы, Маруся.

После того как Маргарита принесла кофе, кстати превосходный, Марусю подвергли перекрестному обстрелу. Но она выдавала ровно столько информации, сколько было нужно. Корольков одобрительно кивал, Маргарита что-то все время высматривала в айпаде, а Дэн крутился в кресле, изредка вскидывая на нее глаза.

– Ну что ж, – сказал Павел, когда она закончила, и после этого начались вопросы с подковыркой. Замужем или нет? – это Дэн. Работала ли она когда-нибудь с политиками и вообще с политической рекламой – это Корольков. Какая у нее концепция предвыборной кампании – это Маргарита.

На все вопросы Маруся ответила подробно и обстоятельно. Ее ответы вызвали разную реакцию. Корольков слушал внимательно, слегка постукивая карандашом по столу. Дэн сидел, глядя прямо перед собой, сложив руки домиком. Маргарита покусывала губы.

– Ну что ж, – проговорил Корольков, когда она закончила. – Все вроде логично и

правильно. Наш человек. Из нашей команды, – подчеркнул он. – Такие люди нам нужны. А что ты скажешь, Дэн?

– Ну... – Дэн крутанулся в кресле, сделав полный оборот. – Поживем – увидим.

– Маргарита?

– Пока вопросов нет.

– Тогда Маргарита введет вас в курс дела, а мы с Денисом поедem по делам. А у вас ко мне вопросы есть? – Светлые глаза Королькова встретились с ее глазами. На секунду Маруся окунулась в этот ласковый манящий огонек и тут же судорожно сглотнула.

«Нет уж, голубушка, второй раз не обжигайся! Ты только что получила нокаут. Приди в себя, а потом, это твоя работа, ты откомандирована сюда для дела»...

Она помедлила, а потом спросила:

– С каким перевесом голосов вы планируете победить?

Вопрос был явно провокационный. Ее шеф учил так: подобные вопросы немного выбивают человека из колеи. Он ерзает, пытается обрести опору... Может подумать, что перед ним провокатор чистой воды... Но главное – задать вопрос и увидеть реакцию. И получить ответ. Или не получить. Из чего тоже можно сделать выводы.

Брови Королькова взлетели вверх.

– Мы не занимаемся гаданием на кофейной гуще, – сухо сказала Маргарита. – Мы – серьезные люди, а не всякие пустышки.

– Тише, Маргарита! – улыбнулся Корольков. – Победа нам, конечно, нужна. Это наша цель. А цифры...

– Мы нарисуем любые, – подхватил Денис и улыбнулся Марусе. – Разумеется, с вашей помощью.

– Дэн! – кратко бросил Корольков. – Поехали!

Он встал, Маруся тоже поднялась.

После обмена рукопожатиями, то есть руку пожал только Корольков, Дэн просто отсалютовал, мужчины вышли, и Маруся с Маргаритой остались одни.

– Теперь можно расслабиться, – улыбнулась ей Маргарита. – Ну что, хлопнем по стопочке!

«Если тебя вовлекают в неформальную обстановку – подумай, зачем! Так проще всего установить контакт и втянуть в доверительные отношения. Только ты расслабишься, так тебя и съедят. Сразу и даже не поморщатся» – так ее учил шеф, Владлен Сергеевич.

– Я пью умеренно.

– У каждого своя умеренность, – подмигнула Маргарита. – Главное – определить ее границы.

За столом Маруся узнала много нового и интересного: оказывается, город – гадюшник, где сцепились разные группировки и влиятельные силы. Завод по производству иномарок собирались банкротить, а такой лакомый кусочек, как алюминиевый завод, – выставить на продажу. Как только Корольков объявил о выдвижении своей кандидатуры на предстоящих выборах, так и понеслось, сказала ей Маргарита. Понимают, что в случае победы грядет крупная перестановка сил, ну и передел собственности, понизив голос, добавила она, словно их могли слышать. Маруся, странное дело, почти не пьянела. Пару раз ей показалось, что Маргарита смотрит на нее внимательным, изучающим взглядом.

Несмотря на попытки Маргариты ее прощупать, Маруся не поддавалась. Насчет своей личной жизни и работы не распространялась, и, похоже, Маргарита осталась раздосадована.

– По домам! – скомандовала Маргарита. – Завтра приходишь сюда к девяти.

– Буду вовремя, – пообещала Маруся.

Маруся вышла за дверь, потопала каблуками, потом сняла туфли и прокралась к двери. Маргарита с кем-то разговаривала по телефону, довольно громко. Видимо, она была уверена, что Маруся уже ушла.

– Девица вроде чистая, но кто ее знает... Во всяком случае, глаз лишний не помешает. На нас сейчас все прут как танки. Надеюсь, ты понимаешь. Я сейчас никому не верю. Ни-ко-му, – подчеркнула Маргарита. – А потом, ты же знаешь, у нас есть информация, что к нам в штаб подошлют «крота». Так что мотай на ус. Неизвестно, кто за ней стоит и зачем она подослана...

Глава третья

Тот, кто приходит после

Семена грядущих событий мы носим в себе. Они лежат и ждут до срока – и вдруг пускаются в рост по собственным законам.

Лоррен Даррелл.

Александрийский квартет. Клеа

США. 1961 год

Кеннеди выиграл президентские выборы, и на Америку опустилось всеобщее ликование. Как будто бы сверху прилетели ангелы с белыми крыльями за спиной и раздали всем жителям леденцы: на лицах американцев поселилось выражение сладостного восторга. Джон был свойским парнем, и все воспринимали его именно таким. От него ждали перемен, и новоиспеченный президент был обязан оправдать ожидания нации. Американцы хотели новых веяний в политике, поворотов, свежего ветра...

Семья Кеннеди была олицетворением американской мечты в ее чистом, незамутненном варианте. Принадлежали к числу тех, кто прибыл на континент в поисках лучшей доли. Правда, это относилось к их предку – ирландскому иммигранту Патрику Кеннеди, прибывшему в Америку в 1840 году. Патрик женился и в конце концов осел в Бостоне – красивом городе на Восточном побережье США. Прожил в Америке он недолго – десять лет, эпидемия холеры забрала его жизнь. Особых богатств не накопил, так что его вдове пришлось весьма туго. Но сын ирландского иммигранта оказался предприимчивым юнцом. Уже к тридцати годам Патрик Джозеф Кеннеди организовал в своем городе торговлю спиртным, разбогател и стал уважаемым человеком. Патрик Джозеф Кеннеди разумно посчитал, что политическая деятельность позволит ему обрести еще больший социальный статус, и вступил в Бостонский клуб демократов, а впоследствии был избран в сенат штата Массачусетс.

Его женитьба также помогла ему упрочить положение в обществе. Он женился на дочери мэра Бостона.

Джозеф строил свою империю и преуспевал в этом. В рамках алкогольного бизнеса ему стало тесно, и он занялся банковской деятельностью.

В середине двадцатых годов семья Кеннеди перебралась в Нью-Йорк. Дети рождались один за другим, девять человек – это был настоящий боевой и сплоченный клан. А Джозеф обратил внимание на кинобизнес и стал вкладывать в него деньги. Вот отсюда и наследственная тяга к актрисам у Джона Кеннеди – его отец не пропускал ни одной хорошенькой девушки.

Новый виток в биографии нью-йоркского миллионера наступил, когда Джозеф подружился с Франклином Рузвельтом и спонсировал его президентскую кампанию. Дважды он поддерживал Рузвельта в надежде получить хороший пост в правительстве или среди дипломатов. Рузвельт отблагодарил своего друга и спонсора и дал ему вожделенный пост

посла в Великобританию.

Четыре года Кеннеди-старший жил в Лондоне, стараясь проводить политику изоляционизма. Его упрекали даже в симпатиях к Гитлеру и в конце концов отозвали обратно в США...

Война нанесла клану Кеннеди сильный удар. Старший сын, на которого Джозеф возлагал большие надежды, погиб как герой при выполнении боевого задания: он служил в авиации, и ему надлежало уничтожить пусковые установки «ФАУ-1», обстреливавшие Лондон. Смерть первенца означало одно – что теперь все ожидания будут связаны со вторым сыном, Джоном Фицджеральдом Кеннеди. А учитывая амбиции «посла», как называли в кругу семьи Джозефа Кеннеди, речь могла идти только о большой политике. О poste президента США...

Джон Кеннеди должен был, нет, просто был обязан оправдать ожидания клана Кеннеди. Но у него в жизни складывалось все не так просто, как казалось на первый взгляд. У Джона были проблемы со здоровьем, и поначалу он совсем не интересовался политикой. Но он был Кеннеди, а Кеннеди во всем стремились становиться первыми. Джозеф требовал этого. Дети обязаны были побеждать в спортивных соревнованиях, быть первыми в учебе. Словом, победителями всегда и во всем.

После смерти старшего брата на плечи Джона легла обязанность штурмовать политический Олимп. Он тоже, как и брат, участвовал в военных действиях, но служил не в авиации, а в военно-морском флоте. Ничем особенным он не отличился, правда, один эпизод чуть не стоил Джону жизни. И его спасение было почти чудом. Но впоследствии это использовали во время выборов. Джон Кеннеди предстал перед своей аудиторией настоящим военным героем. Но в жизни Джона интересовала вовсе не политика, а женщины и вечеринки... И только воля отца подвигла его принять участие в борьбе за пост сенатора... Так начиналась политическая карьера Джона Кеннеди.

Огромную роль для роста популярности ДФК сыграли два фактора: телевидение и его женитьба.

Телевидение высветило обаяние молодого Кеннеди, его харизму, лучезарную улыбку. Все кандидаты на его фоне были как бледные тени. Телевидение сделало Кеннеди принцем из сказки.

А женитьба на Жаклин Бувье только утвердила его в этом образе. Необычная красота Жаклин и ее утонченность делали ее принцессой. Пара получилась очень яркая, они приковывали к себе всеобщее внимание. На Джона работала вся семья, связи отца, фамилия...

И в 1960 году Кеннеди вырвал победу у ставленника республиканцев – Ричарда Никсона. Джон Кеннеди был первый президент-католик и самый молодой президент в истории Америки.

Перемены начались и в Белом доме. Правда, Жаклин Кеннеди в отличие от Джона не собиралась быть «своей». Со всем миром она держала четкую дистанцию. Джеки, как называли Жаклин, сделалась новой иконой Америки: ей подражали, обсуждали, восхищались ее стилем, умением преподнести себя, аристократизмом.

Джон и Джеки Кеннеди были слишком разными, но о том, что отношения между супругами были натянутыми, заговорили гораздо позже.

А в тот период все казалось безоблачным. Джон ввязался в политику, и семья Кеннеди увеличила содержание Джеки, только чтобы она не разводилась с Джоном, а выглядела как образцовая американская жена. Хотя клан Кеннеди супругу Джона не принял и она была им

чужой, об этом не распространялись. Семейные тайны не подлежали разглашению.

Джеки была индивидуалисткой до мозга костей, но ее нельзя было назвать бесчувственной или неэмоциональной, просто она прятала все глубоко внутри. Она нежно любила своего отца – Джона Бувье, близкие и друзья называли его Черный Джек, с матерью у нее отношения были натянутыми, и всю жизнь Джеки была привязана к сестре. Можно сказать, сестра Ли была ее единственной настоящей подругой.

Джон играл роль демократа, «своего парня», Джеки – аристократки, но вместе они хорошо смотрелись. Ее популярность росла. Когда Кеннеди посетили Париж, то Джон шутливо сказал: «Я – человек, который сопровождает Жаклин Кеннеди», – тем самым отдавая должное ее известности.

* * *

Рвение, с которым Джон Кеннеди взялся за реформы, были не по нраву слишком многим. Он слышал, как отец говорил матери: «Рьяно берет ирландец, слишком рьяно»... Мать что-то отвечала, но он не слышал, что....

С Кориным они встречались еще несколько раз, тот почему-то упорно называл его «пионЭром». «Ну что, как дела, пионэр?» – интересовался он, внимательно глядя в глаза. От этого взгляда хотелось ускользнуть, спрятаться. Но это было невозможно.

Как-то он спросил отца: чем же примечателен Валерий Корин? Отец вздохнул и долго молчал. Он не стал повторно задавать вопрос, что-то мешало сделать это. Он терпеливо ждал ответа.

– Хороший журналист. – И снова пауза. – Вырастешь, познакомишься более детально.

– Понятно, пап. – Хотя вопросы остались, но он лишний раз научился держать их при себе.

Один раз Корин зашел к ним домой, расположился вместе с отцом в гостиной. От сквозняка неплотно прикрытая дверь открылась. Он подошел ближе, очень хотелось узнать, о чем они говорят.

Отец и Корин сидели вполоборота к двери и видеть его не могли. Он невольно приник к щели, чтобы лучше слышать...

– Есть один парень... – донесся голос Корина. – Живет сейчас у нас в СССР. Ли Освальд...

Волжский город. Наши дни

Домой Маруся вернулась поздно. На пути ей попала фирма по аренде автомобилей, и она присмотрела себе симпатичный «BMW» светло-серебристого цвета. Маруся подумала, что так будет солидней... Менеджер фирмы пытался сосватать ей другую машину – темно-синий «Форд». Но Маруся настаивала на своем. Они договорились, что завтра она придет в офис, чтобы подписать договор.

Потом Маруся зашла в универмаг купить сосиски для кота. Магазин показался ей маленьким после московских мегацентров. В хлебном отделе вкусно пахло булочками. Маруся взяла три пирожка с вишней, подумала и добавила к ним еще два. Домой пошла

пешком.

Капитолина Михайловна встретила ее словами:

– Разбойник так орал, что всю округу переполошил.

– Деметрий?

– Он самый. И чего кот такой шебутной? – проворчала она. – Негоже так.

– Молодой, наверное. Это от избытка сил. А где он сейчас?

– Без понятия. Наверное, на улице где-то бродит. Есть будешь?

– Ага! – Маруся потянула носом. – Вкусно пахнет! Жареная картошечка?

– С солеными огурцами, укропом, петрушкой и телячьей отбивной.

– Ой, тетя Кап, балуете вы меня.

– Уж больно тощая ты, – поджала губы Капитолина Михайловна. – Пополнить бы не мешало. Пару килограммчиков прибавить.

– Не-а, толстых мужчины не любят, – усмехнулась Маруся, балансируя в коридоре на одной ноге и снимая туфли. Она переобулась в удобные разношенные тапки и шагнула в кухню.

– Замечательно-то как все, – пробормотала она. – Лучше, чем в самых дорогих ресторациях.

Стол был уже накрыт по всем правилам. Веселая скатерть с оборкой внизу, сковородка с картошкой и отбивными. Помидоры и огурцы нарезаны дольками.

– Садись, а то остынет.

– Я – мигом, только переоденусь.

В комнате Маруся скинула с себя костюм и надела легкий халатик. Пискнула эсэмэска. Она посмотрела на экран дисплея – Костя!

«Звонил на работу, сказали, что ты уехала. Надо поговорить».

С пылающими щеками Маруся стерла эсэмэску. Раздался звонок. Владлен Сергеевич! Маруся невольно подтянулась.

– Ну! Рассказывай, как прошел первый день?

– Нормально. Познакомилась с Корольковым.

– И как он тебе?

– Приятный человек, обаятельный, хорошо держится, хорошие коммуникационные навыки, – перечислила она.

– По-твоему, у него хорошие шансы?

– Если действующий административный ресурс не задавит – шансы высоки. Корольков за новые перемены: собирается ввести ряд преобразований, рассчитанных на разные слои населения. Завтра меня введут в курс дела подробнее.

– Ясно. – Шеф помедлил. – Ты там все внимательно наблюдай, примечай... Понадобится.

– Я все поняла, – быстро ответила Маруся. – Сделаю как надо.

– Вот и отличненько, – пропел Владлен Сергеевич. – Вот и ладушки. Девочка ты смышленная.

Со стороны могло показаться, что шеф дурачится, но на самом деле он никогда не расслаблялся. Просто это была очередная маска добродушного босса, который общается с сотрудниками в неформальной манере.

Разговор закончился. Маруся подошла к окну, и тут же к ней на руки откуда-то сверху упало нечто толстое и рыжее. Она уткнулась коту в шерсть.

– Деметрий! – прошептала она. – Ах ты рыжий разбойник. Тебя кормили? Нет? Тогда пошли ужинать...

На кухне Капитолина Михайловна гремела тарелками. Маруся села за стол, Деметрий – около нее на полу.

– Я сосиски для кота купила.

– Накормим, – буркнула хозяйка.

– Вы чем-то расстроены?

– Не нравится мне все это, – выпалила Капитолина Михайловна. – Выборы-швыборы. Не приведут они к добру.

– Дело обычное. – Маруся нагнулась и погладила кота.

– Хм, эти будут необычные. Корольков хочет стать мэром, а Горенко не даст. Вцепится в свое намертво.

– Посмотрим.

– Глупые вы, московские, – в сердцах сказала Капитолина. – Глупые! Жизни не знаете. Думаете, это игрушки. Надо знать, что все эти люди наши, выросли здесь, они... – Капитолина выставила вперед свою руку с растопыренными пальцами, – вросли сюда. У них все переплетено и куплено. Тех, кто встанет у них на пути, просто растопчут. Вот так, – она сплюнула на стол и вытерла слюну тряпкой. – Это я для виду, чтобы дошло.

– Корольков приятное впечатление производит.

– Корольков пришлый. Приехал непонятно откуда и думает город взять. А это не так легко, как он считает... Да еще, говорят, сам он непонятно кто...

– Да... – Маруся взяла с тарелки яблоко и стала грызть. – А что конкретно говорят?

– Это я так сболтнула, – нахмурилась Капитолина. – Говорю, старая, непонятно что. Совсем за собой не слежу. – Она явно жалела, что начала этот разговор.

Хозяйка протянула тарелку, наполненную едой. Сама села напротив и подперла рукой подбородок. Ямочки на щеках стали видны еще отчетливей.

Где-то вдалеке раздался звук грома, резкий, сильный.

– Свят-свят, – перекрестилась Капитолина и с шумом закрыла окно.

Перед сном Маруся решила почитать. За окном уже лился дождь.

Струи стекали по стеклу, размывая пейзаж в одно мутно-серое пятно. Она встала с постели и задернула занавеску. Легла обратно. Деметрий пристроился в ногах.

– Боишься грозы?

Кот отвернулся. Прямой вопрос ему не понравился.

– Ладно, не отвечай, не буду испытывать твое мужское достоинство.

Маруся взяла листы в руки.

«Серьезной вехой в моей жизни явился переезд с матерью в Нью-Йорк к старшему брату, который женился и осел там. Приняли нас холодно, отношения матери со снохой не сложились, да и сам город мне не понравился. Слишком промозглый, слишком неудобный... Мы съехали с квартиры брата и поселились в полуподвале. В школе меня дразнили за акцент, за одежду, со всех сторон сыпались насмешки, неудивительно, что я возненавидел школу и стал прогуливать уроки. И вот тут-то случилось страшное. Меня поймали, когда я был в зоопарке, и поставили на учет. Но я не мог заставить себя пойти в школу, и тогда меня направили в специальное заведение, похожее на тюрьму с целью освидетельствования.

Пребывание там явилось для меня шоком, я понял, что никому не нужен и должен думать о себе сам. А от окружающих можно ждать только враждебности и агрессии.

Пусть меня вскоре выпустили условно, но начались мучения. Меня стали преследовать, таскать по судам, подвергать тестированию, словно я был психически ненормален. А может быть, меня хотели сделать именно таким?

С трудом мы с матерью вырвались из цепких бездушных лап Нью-Йорка и вернулись в Новый Орлеан.

Все привело к тому, что я стал интересоваться политикой, хотя о многом имел еще смутное представление. Я много читал, сначала выбирая книги наугад, потом понял, что мне нравятся книги, где описано переустройство мира. Меня заинтересовали марксизм и коммунизм. Я пытался понять: что стоит за ними, какие идеи и что будет дальше...

Мне хотелось не только читать, но и уметь защитить себя, научиться стрелять, владеть оружием так, чтобы никто не смог меня унижить или оскорбить.

Денег катастрофично не хватало, через месяц после поступления в десятый класс я оставил учебу и устроился работать клерком в офис, потом – курьером. Мне нравился Новый Орлеан, так не похожий на чопорный, жестокий Нью-Йорк. Здесь царил дух свободы, а воздух был пропитан джазом, запахом пряных специй... Но мать решила, что я должен получить образование, и мы вернулись в Форт-Уортлет. Через год. И я был снова зачислен в десятый класс. И все начинал сначала. Это мне категорически не нравилось после того глотка свободы, что я получил в Новом Орлеане.

Я не стал учиться, а в октябре поступил в Корпус морской пехоты США. Я так и не получил диплом средней школы, но он мне особо и не понадобился в дальнейшем...

И еще одно важное событие произошло в моей жизни. Я написал письмо руководству социалистической партии Америки с просьбой предоставить мне больше информации о ней, я хотел вступить в ее ряды. Я понимал, что я отличался от других, был неудачником в глазах многих, не настоящим стопроцентным американцем. Я много читал, любил слушать классическую музыку. Я чувствовал себя изгоем в собственной стране и прекрасно это осознавал...»

У Маруси уже слипались глаза. Она отложила листы, выключила свет и уснула. Кот ворочался в ногах, очевидно, страдая бессонницей.

* * *

На другой день Маруся пришла в офис ранним утром. Королькова не было, сидели Маргарита, Дэн, секретарь Ольга и еще двое незнакомых Марусе мужчин. Одному из них было лет семьдесят. Высокий, тонкогубый, с резкими чертами и седой шевелюрой. Он был одет в дорогой костюм и белоснежную рубашку. Другой – полная его противоположность: толстенький, круглый, с проплешинами. Глаза навыкате и оттопыренные уши. Рукава светлого костюма были ему коротки, и виднелись волосатые руки.

– Проходите! – махнула рукой Маргарита и представила ее: – Это Мария Громова, наш новый сотрудник. Из Москвы. Теперь она в нашей команде.

Марусю все смерили внимательным взглядом. Она подняла подбородок и расправила плечи. Затем села на свободный стул и достала из сумки планшет.

– Простите, – Маргарита обошла стол и остановилась рядом с ней. – Нужно проверить.

– Что? – не поняла Маруся.

– Планшет. На наличие подслушивающих устройств. Я должна убедиться...

– А что?.. Сомневаетесь во мне? – не удержалась Маруся.

«Язва ты, Громова, – обычно говорил Марк. – Колючка ядовитая. А где женская томность и нежность? Эх, эх...»

Вспомнив Марка, она улыбнулась. Неужели скучает по своему офису, как он и предсказывал?

– Стандартная проверка. Это относится ко всем. Мы просто принимаем меры повышенной безопасности. Сами понимаете...

Ссориться было не с руки, и Маруся молча протянула гаджет.

Маргарита вышла, цокая каблуками.

Все сделали вид, что ничего не заметили.

Маруся достала блокнот и стала в нем рисовать завитушки, пытаясь скрыть раздражение.

Через несколько минут Маргарита вернулась и положила планшет на стол.

– Все в порядке? – не удержалась Маруся.

– Да.

– Тогда продолжим, – сказал высокий худощавый человек в хорошем костюме.

Маргарита села рядом с Марусей.

– Это Мятлев Игорь Викторович. Один из тех, кто работает в нашем штабе, доктор исторических наук, профессор. Специалист по американской истории.

– Как я уже говорил, нам нужно активно работать с разными группами населения. За Королькова, как показывают предварительные опросы, значительная часть работающего населения, а также молодежи в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти. Что касается старшего поколения – здесь есть определенные пробелы. Этот контингент пока за действующего мэра. А доля данной категории электората весьма значительна. Приблизительно сорок процентов. К тому же есть и не определившиеся. У кого какие предложения по этому пункту?

Почему все сразу посмотрели на Марусю?

– Может быть, Мария...

– Александровна, – подсказала она.

– Мария Александровна нам что-то скажет? – спросил Игорь Викторович. Он склонил голову набок и, прищурившись, смотрел на новую сотрудницу, словно оценивая.

– Нужно активизировать работу со старшими возрастными группами.

– Мы это и так знаем. Но как? – развел руками Мятлев. – Мэрия делает подарки ветеранам к праздникам, иногда дает небольшие денежные выплаты. Все довольны. Почему они должны голосовать за другого кандидата, если их все устраивает?

Маруся поняла, что от нее ждут конкретных решений и предложений.

– Все всех устраивать не может. Обычно при ближайшем рассмотрении эта позиция наиболее уязвима. В таком случае нужно применить нестандартные методы работы. Те, которые не вводились раньше.

– И какие? – Теперь в голосе Мятлева звучала ирония. Он забарабанил пальцами по столу и подался вперед.

– Нужно подумать. – Маруся взяла в руки карандаш и поставила в блокноте цифру 1. –

Мне нужны исходные данные по населению. Статистика. По возрастным категориям, социальному составу, занятости. Нужен список мероприятий, проводимых мэрией. Нужен список СМИ. Местных, а также список журналистов, работающих на нынешнюю администрацию. Пока все.

– Ольга! – обратился Мятлев к брюнетке. – Подготовь все для Марии Александровны. И как можно скорее. То же относится к Маргарите. Объедините усилия и сделайте справку. Ваш вопрос я понял. Сделаем. В какое время можно ожидать от вас конкретных предложений?

– Вопрос будет прорабатываться несколько дней, но пока нет на руках материалов, ничего определенного сказать не могу. Все зависит от объема предоставленных материалов. Хотя я, конечно, приложу все усилия, чтобы подготовиться как можно оперативней.

Еще какое-то время они обсуждали текущие дела, а потом Мятлев объявил, что все свободны.

– Мария Александровна, можно вас попросить задержаться? – окликнула Маргарита.

– Да, конечно.

– Мы можем пройти на кухню.

Кухня оказалась маленькой, тесной и неудобной. Маруся с тоской вспомнила офисную кухню, так заботливо отделанную шефом.

– Кофе?

– Да. Можно покрепче. Две ложки.

Маргарита заварила кофе и поставила чашку перед Марусей.

– Я закурю, – ни к кому не обращаясь, сказала Маргарита. – Не возражаешь. Сама как?

– Никотин не употребляю.

– Правильно. Я вот никак бросить не могу. Обстановка все время такая... нервная.

Маруся промолчала.

– Ты, я смотрю, понемногу въехала в нашу работу. Правда, прошло еще мало времени, чтобы во всем разобраться как надо. Если что потребуется, обращай ко мне, помогу, проинформирую.

Она внимательно посмотрела на Марусю.

– Мы здесь никого не съедим, люди все добрые, душевные... Так что велкам в нашу команду. Павел ко всем настроен доброжелательно, с виду бывает строгий, но это так, одна видимость. Я лично считаю, что ему даже потверже нужно быть... Харизмы у Павла не отнять. Молодой, привлекательный. Старых никто не любит, – прибавила она, коротко усмехнувшись. – Сейчас время не то. Замшелые пиджаки ушли в прошлое.

– Ну, политика – дело вообще-то консервативное, – заметила Маруся.

– Как сказать. У Павла хорошие шансы, и их надо использовать. В случае его победы город ждут перемены. Строительство дорог, нового стадиона.

– Наверное, это кому-то придется не по вкусу.

– Не по вкусу... – медленно повторила Маргарита, – не по вкусу... В основном против Павла старый административный ресурс. Никому не хочется терять насиженные места. Вот они и будут сопротивляться до последнего.

Маргарита курила, красиво выпуская колечки дыма. Себе она заварила зеленый чай.

– На диете. А то поплыву. Сама понимаешь, уже не двадцать лет, да и комплекция, – она скользнула взглядом по Марусиной фигуре, – не то что у некоторых... В общем, работай. Ты где остановилась? В гостинице или квартиру снимаешь?

– В частном секторе.

– Говори адрес. Я сейчас запишу. Мало ли что понадобится... Кстати, нам сейчас с тобой нужно поехать к одному человеку. Допивай кофе, и выезжаем. Тебе необходимо ему понравиться. Это важная фигура в нашем раскладе. Может быть, даже самая важная... – Маргарита поджала губы. Ее большие темные глаза смотрели пронизывающе. Маруся выдержала взгляд.

– А что за человек?

– Отец Королькова. Он основной спонсор избирательной кампании... То есть – спонсирует своего сына.

– А чем он занимается?

– Бизнесмен. Все, чем владеет Павел – и строительная компания, и банк, – на самом деле его. Просто он удалился от дел, а Пашу поставил вместо себя. Он непременно хочет, чтобы его сын победил на выборах. И готов бросить в дело все ресурсы. Корольков-старший лично отбирает и проверяет людей для команды. Тебя тоже захотел увидеть и побеседовать. Колоритный старик. Ты осторожней, если что...

– В смысле? – не поняла Маруся.

– Сама увидишь.

Маргарита предупредила охранника, что они ненадолго уезжают. Тот с важным видом кивнул.

Она села в серую «Тойоту» и сказала:

– Едем за город. Но тут недалеко, – и усмехнулась, – это не Москва с ее расстояниями и пробками... У нас все близко и удобно.

По дороге Маргарита часто кому-то названивала, без конца звонили и ей. Маруся сидела, погруженная в свои мысли, и смотрела в окно. Она здесь всего третий день, а уже закружило-завертело. По крайней мере, о Константине думает редко. Но вспоминает. Иногда поворот головы незнакомого мужчины или улыбка, запах, парочки, воркующие друг с другом, счастливые семьи с колясками, веселый смех – сразу возвращают ее к прошлому: внутри все сжимается, и наступает понимание – *чего у нее нет*. Чего она лишена... И никогда, никогда она уже не будет так весело и самозабвенно смеяться, как когда-то с Костей...

– Ни-ког-да! – сказала она вслух.

– Чего? – повернулась к ней Маргарита. Одна рука с ярко-красными ногтями лежала на руле, другой она прижимала сотовый телефон к уху.

– Это я так. Сама с собой.

Маргарита покосилась на нее, но ничего не сказала.

Виды за окном были такие, что захватывало дух! Ярко-синяя река Волга. С одной стороны реки набережная утопала в зелени, старинные домики шли один за другим, над ними возвышалась красивая белая церковь с зелеными куполами. И ветер, врываясь в открытое окно, яростно тербил волосы, которые вдруг взметнулись вверх и, упав, закрыли лицо. Маруся отвела их рукой.

– Красиво! – тихо произнесла она.

– Волга, да! Кто приезжает к нам, охает-ахает. И иностранцы любят в нашем городе бывать. Отремонтировали все, отреставрировали за последние годы.

Въехали на мост, вода теперь бликовала, весело шумела, журчала с двух сторон. Над водой низко летали чайки.

– Это не душная Москва! – прокричала Маргарита. – Сейчас я прибавлю жару. Держись! Она нажала на педаль, и машина рванула вперед.

Маруся откинулась на кресле. Действительно, красота... Она вздохнула, и вздох застрял в груди. Если бы не Костя... Если бы не эта боль... Как бы она была счастлива!

С моста они въехали на шоссе.

– Скоро уже приедем.

Дома сменились коттеджами, которые высились за глухими заборами.

– Здесь у нас большие люди живут, – пояснила Маргарита. – Ну что-то вроде вашей Рублевки московской.

Она повернула направо, на дорогу, обсаженную подстриженными туями.

– Почти на месте. Ты лучше больше молчи, он болтунов не любит. Не перечь. Если будут спрашивать твое мнение – хорошенько подумай, прежде чем сказать. Хозяин – чертяка знатный. Его у нас все боятся, включая самого Королькова. Папаша у него еще тот перец!

– А Дэн?

– Что Дэн? – Маргарита повернула к ней в голову.

– Дэн тоже боится? Он же вроде такой... Оторва!

– Не знаю... – голос Маргариты прозвучал как-то тускло. – Дэн мало чего или кого боится. Приехали!

Они вышли из машины, камера наблюдения на воротах повернулась в их сторону. Калитку открыли. Перед домом расстилалась зеленая лужайка, будто бы из английских фильмов. Мягкая, бархатистая, до нее хотелось дотронуться и погладить. Как породистую кошку. Лужайку окаймляли все те же подстриженные туи, справа красовался прудик с мостом. А по центру возвышался кирпичный трехэтажный особняк.

– Нас ждут, – шепнула Маргарита. – Не подведи. Я за тебя отвечаю.

На крыльце их встретила молодая девушка.

– Эдуард Николаевич вас ждет. Проходите. – У девушки был певучий выговор, и смотрела она не прямо в глаза, а куда-то вбок.

Холл особняка был огромный, на стенах – картины, в основном пейзажи. Девушка провела гостей в комнату, больше похожую на зал.

У камина, спиной к двери, сидел человек. Около него стоял молодой парень с волосами, гладко зачесанными назад, и с планшетом под мышкой. При их появлении он склонился к сидевшему и что-то шепнул.

Кресло резко развернулось, и Маруся увидела, что это – инвалидная коляска.

– Подойдите ближе, – скомандовал мужчина.

У него были седые волосы и глубоко посаженные голубые глаза. А лицо волевое, резкое. Впалые щеки и морщины на широком лбу. Одет он был в теплый пестрый халат с восточным узором.

– Вы та самая Маруся Громова? – спросил он. Голос тоже был резкий, скрипучий.

– Да. Но не знаю, что вы вкладываете в слово «та самая».

Мужчина издал странный булькающий звук, похожий на смешок или карканье, и тут же зашелся в кашле.

– Петя! Чай! – скомандовал он молодому человеку.

Петя – прислужник? Помощник? Секретарь? Мальчик на побегушках? Он мгновенно бросился куда-то мимо Маруси и Маргариты.

– Привет, Марго! – Корольков-старший приветственно поднял руку.

– Добрый день!

– Давай посмотрю, кого ты привела. – И он устремил на Марусю цепкий взгляд, от которого мурашки побежали по коже и словно камень в горле встал, который Маруся постаралась поспешно сглотнуть.

– Хороший специалист. Все сделает как надо. Новые силы в нашей команде нужны, – торопливо говорила Маргарита. В ее голосе слышались заискивающие нотки. Маруся удивилась, Марго ей казалась надменной, знающей себе цену, и такой тон с ней не вязался. И вправду старик – крутой перец, раз с ним так носятся.

– Силы да, нужны. А что ты умеешь? – обратился он к Марусе.

– Разрабатывать стратегию. Исполнять ее, предлагать конкретные решения и способы реализации. Все зависит от конкретных задач.

– Исполнять... стратегию... – он задумался. – Марго! Оставь нас одних. Слышишь?

Позади Маруси зацокали каблук Маргариты.

– Теперь лучше. Садись поближе. Сейчас Петя чай принесет. Или ты хочешь кофе?

Маруся опустила в кресло и едва не утонула в нем – такое глубокое.

– Мне все равно.

– Уже неплохо, – пробормотал старик. – Покладистая...

Перед ними вырос Петя с подносом, на котором стояли чашки чая и маленькое блюдо с сухими печеньями. Бутылка коньяка и две рюмки.

Петя поставил поднос на столик на колесиках и подкатил к хозяину. Теперь столик был между ними.

– Все, Петя, свободен. Сейчас мы с девушкой почаевничаем. – Корольков-старший подмигнул Марусе. – Наедине. Я тебя позову, когда понадобится. Будь рядом.

Петя немедленно исчез. Маруся уже поняла, что этот старый перец Повелитель бурь или кто-то в этом роде – все появляются и исчезают по одному его знаку. Он имеет влияние на людей, даже если сам и не замечает этого. Или все-таки замечает? Власть – она сродни наркотику. Эту мысль ее начальник всегда любил повторять: власть – самая сильная эмоция и зависимость. Это еще хуже, чем самая сильная наркота...

Корольков наполнил рюмки коньяком и протянул одну Марусе.

– За успех! Мой сын должен стать мэром этого гребаного городишки. И точка.

Маруся удивилась: почему городок «гребаный»? Ведь это очень красивый город, удивительно красивый, он нравится с первого взгляда. Но промолчала, вдруг сообразив, что люди в политике отрешены от эмоций и оценок, они мыслят отвлеченными категориями. Полезность – бесполезность. А красота – слишком эфемерна и не нужна. И городишко – гребаный, потому что трамплин для других широт и просторов. Она чуть не рассмеялась. Потому что работать с предсказуемыми людьми очень просто, как говорил ее шеф. Все как на ладони: алчность, жадность, торопливость. Они как дети: праздник сию минуту, здесь и сейчас, вынь да положь им на блюдечке. «Найдите ключ к человеческим эмоциям, – неоднократно повторял шеф, – и вы сможете управлять людьми».

– Этот город – первый этап. – Старик словно озвучивал Марусины мысли. – Потом пойдем дальше. Мой сын достоин большего... В России сейчас нет молодых политиков, способных придать стране динамизм, скорость... Мы, старики, уже мало на что годимся. – Он помрачнел. – Я бы сам поучаствовал в выборах, но ноги... И возраст... А ты толковая и умная... Далек пойдешь!

– Я еще и слова не сказала, – с иронией проговорила Маруся.

– А я по глазам вижу. И читаю по ним. Как старая и умная собака. Старые люди обычно очень умные и хитрые, только многие об этом не догадываются. Думают, если старые, то дураки, выжившие из ума. Но это не так. Даже, я бы сказал, совсем наоборот. Как коньяк?

– Уверена, что хороший. Я мало пью.

– Молодец! А вот Марго хлещет бутылками, – и снова смешок-карканье. – Хорошая она баба, но отъявленная дрянь, – произнес он с некоторым, как показалось Марусе, удовлетворением. – Уже освоилась в городе? Город хорош. Купцы его обустроивали. – Корольков-старший, видимо, забыл, что несколько минут назад отзывался о городе по-другому. – Главное – начать. Дальше – больше... – Он задумался.

Молчал Эдуард Николаевич долго, Маруся хотела уже кашлянуть, чтобы привлечь к себе внимание, но наконец старик отвлекся от своих мыслей и посмотрел на нее. Но таким взглядом – как сквозь стены.

«Он меня не видит, – констатировала Маруся. – Он весь в себе, в своих раздумьях».

– Приведи моего сына к победе, и я... – он снова замолчал. – Сделаю для тебя все. Квартира? Вилла в Испании? Карьера в Лондоне... Выбирай!

У Маруси пересохло во рту. Она поняла, что старик говорит абсолютно серьезно, и эта серьезность... пугает. Как неизбежность, с которой до поры до времени не хочется сталкиваться. Эта неизбежность может раздавить катком, если не отойти вовремя в сторону. И какой тон! Какая уверенность! А если она не справится? То что? Что с ней будет?

– Ты справишься! – заверил Корольков, вновь угадывая ее мысли.

Она даже поежилась от такой пронизательности. Было здорово не по себе.

– И я не шучу, – добавил Эдуард Николаевич. – Еще по стопочке?

– Спасибо. Не буду.

– Я хочу видеть в моем сыне новую политическую силу. В Москве сейчас все выдохлись. Свежие люди придут из провинции. Хотя не люблю я это слово «провинция». – Повелитель бурь, как назвала его про себя Маруся, поморщился. – Глупое слово какое-то. Для меня Москва – провинция. Суматошный город с хамскими жителями.

– Вы жили в Москве? – брякнула Маруся наобум и тут же покраснела.

– Учился, – поправил ее Эдуард Николаевич. – В высшей партийной школе. Была в свое время такая. Вы не застали.

– Зато слышала.

– И то хорошо. Сейчас для многих коммунизм – как замшелый пиджак. А в то время это была отличная кузница кадров. Выходили оттуда люди, готовые к работе и прежде всего к управлению. – Возникла пауза. – Мысли разные одолевают. – Он вздохнул и посмотрел на Марусю. – Вот поживешь с мое, тогда поймешь, как это тяжело, погружаться в воспоминания. Говорят, есть даже молитва, которая избавляет от них. В воспоминаниях нет ничего хорошего, поверь, – чуть ли не сердито сказал Эдуард Николаевич, взял кусочек черного хлеба с тарелки и понюхал его. – Люди, которые, например, жили в Америке, говорят, что так одолевает иногда тоска по черному хлебу, сил нет. Там наш хлебушек черный буквально на вес золота ценится. Тех, кто приезжает в Америку, просят с собой в качестве сувенира захватить черный хлеб. Как особо ценный подарок.

– Вы жили в Америке?

– Нет, – отрубил он.

– А в партийной школе учились давно?

– Давно. А почему тебя это интересует?

– Просто спросила, а что, нельзя? – И уже, в свою очередь, усталилась на Эдуарда Николаевича.

«Ответный удар» – так называлось «зеркальное действие» на сленге их фирмы. «Хочешь, чтобы тебя уважали, – учил ее босс, – умей держать ответку. Причем симметрично зеркальную. Не умеешь – учишься, а то заключают».

– Почему нельзя? Можно. Со мной все можно. – Он усмехнулся. – Можно, но лучше – осторожно.

– Буду иметь в виду.

– А ты мне нравишься, – с расстановкой произнес Эдуард Николаевич. – Давненько я с такими умными не беседовал. А то все: глазки, губки и хлопанье ресницами... Пустота, – сказал, как отчеканил, он. – А ты другая.

И снова глазами зырк. Марусю даже в жар бросило. Еще немного, и она такого рентгена не выдержит. Архисложный мужичок, как они называли между собой трудных клиентов, с которыми приходилось работать.

– Спасибо.

– Взаимно говорить не буду. Спасибо я тебе скажу, когда Пашка победит, а он должен победить. Иначе...

«Иначе, – продолжила Маруся, – ты меня сотрешь с лица земли, уничтожишь на счет раз. Тебе нужна победа сына любой ценой. И нужна я, потому что тебе кажется, что столичная штучка может многое. Ты внимательно посмотрел все рекомендации, может быть, даже навел справки по своим каналам. И выяснил, что я тебе подхожу».

Старый перец, он же Повелитель бурь, посмотрел на часы.

– Кажется, нам пора. У нас, стариков, свои дела и причуды. И прием лекарств по расписанию.

Но Маруся видела: Корольков-старший чем-то раздосадован и хочет ее поскорее выпроводить. Но и она порядком притомилась от беседы, так как собеседник непростой и приходится все время держать ухо востро и быть начеку.

Маруся поднялась.

– Петя проводит! – крикнул Эдуард Николаевич.

Петя материализовался как из воздуха. Вырос у столика и вопросительно посмотрел на своего хозяина.

– Проводи гостью! – Старик устало махнул рукой. – Приятно было познакомиться. Думаю, что еще встретимся. – И он оскалился в улыбке, показав неровные зубы.

Маргарита ждала Марусю у выхода.

– Ну как? – поинтересовалась она уже в машине. – Как прошла аудиенция? Все в порядке?

– Да, – пробормотала Маруся. – У Эдуарда Николаевича один сын? Павел?

– Бли-и-ин! – протянула Маргарита. – Что за нездоровый интерес? Ты интересуешься не по штату! – Она фыркнула. – Ладно, не сердись. Но есть темы, которые лучше не обсуждать, понимаешь? Для твоего же блага.

– О моем блага я позабочусь сама. Не беспокойся.

– Я не беспокоюсь, я предупреждаю. – В голосе Маргариты послышались жесткие нотки.

«А они все не так просты, как выглядят на первый взгляд, – подумала Маруся. – Похоже, я попала в змеиное гнездо, где мне следует быть крайне осторожной».

– Два дня выходных впереди. Чем думаешь заняться? – поинтересовалась Маргарита другим, добродушным тоном.

– Пока не знаю. Подумаю.

– Можешь город изучить. Здесь есть на что посмотреть, чем полюбоваться...

– Это точно. Город красивый. Я уже заметила, так что побродить, поглядеть – отличное занятие.

– Хотя иногда мои глаза бы его не видели, – с неожиданной тоской произнесла Маргарита. – Уехать бы в Москву, и все. И не вспоминать.

– Москва – город тяжелый.

– Все так говорят. А сами как мухи на мед – в Москву, в Москву!

– Есть такие, кто и не выдерживает.

– Слушай, не учи, а? – с раздражением сказала Маргарита. – Вот закончится эта канитель с выборами – продам теткину квартиру и рвану. И никто и ничто меня здесь не удержит. Баста! Отрубилась, отмучалась я здесь. Отдала лучшие годы этому городишке и этим людям. Пора и о себе подумать.

– А чего раньше не рванула в столицу?

– Что ты вообще о моей жизни знаешь? – Маргарита нажала на газ, и машина понеслась на сумасшедшей скорости. – Значит, не могла. И вообще слишком много вопросов.

– Ну извини, вырвалось. Что, уже и спросить ни о чем нельзя?

– Нельзя! Сиди и помалкивай, – крикнула она, еще прибавив газу.

– Маргарита! Останови машину! Я с тобой не поеду. Ты в таком состоянии...

– В каком?

Маруся ничего не ответила.

– Ну и вываливайся, – разозлилась Маргарита. Ее глаза сузились, мимо в окне стремительно мелькали деревья, дома... Маргарита неожиданно свернула на обочину и резко затормозила.

Маруся откинулась назад.

– Выходи, – сжала губы Маргарита. – Немедленно.

Она смотрела прямо перед собой, злая, сосредоточенная.

– Выхожу... Только ты остынь, в таком состоянии ехать нельзя.

– Не учи-и-и-и-и-и! – чуть ли не завизжала Маргарита. – Нашлась тут на мою голову шибко умная!

Она рванула с места и помчалась, обгоняя другие машины.

– Вот дура, – покачала головой Маруся. – Еще, не дай бог, врежется в кого.

Солнце припекало сильнее. Хотелось содрать с себя чулки и пройтись босиком по зеленой траве. Туфли жали.

– И чего мне теперь делать? – пробормотала Маруся. – Ловить попутку? Создала мне тут проблемы на пустом месте...

Она опустила на траву, туфли валялись рядом, сумка тоже.

– Загорать, загорать и загорать, – вынесла вердикт Маруся. – Рвануть бы на Волгу и забыть о делах.

Рядом затормозила машина, и Марусю окликнули:

– Чего развалилась? – За рулем сидел Дэн. – Перекур с отрывом от производства?

– Типа того, – сказала Маруся, подбирая с травы сумку и туфли. – А ты не вовремя. Весь кайф обломал. Я только расслабилась...

– Еще успеешь! Времени много... Что случилось? Ты у папы была?

– Не поняла.

– У нашего великого и ужасного Эдуарда Первого?

– Вы его так зовете? Папой?

– Именно! Залезай!

– Да. Была. У вас местная служба новостей хорошо поставлена. Все мои телодвижения сканируются.

– И что? Чего ты здесь развалилась? Постой! Тебя же Маргарита должна была везти.

Поцапались девочки? – ухмыльнулся Дэн.

[Купить полную версию книги](#)